А. С. Верещагин.

К истории древнего Хлынова.

Вятка, 1904.

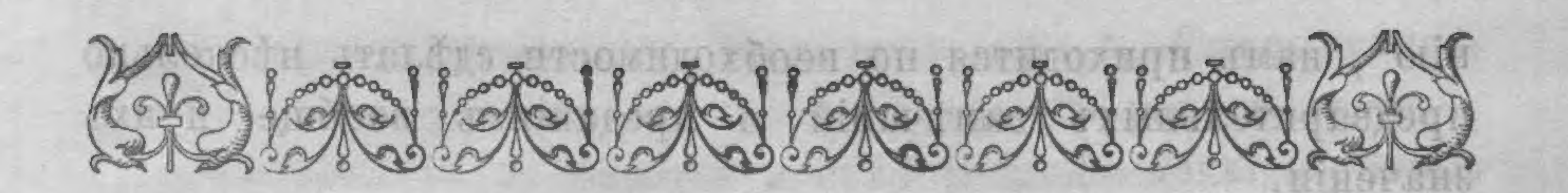
Къ исторіи

ДРЕВНЯГО ХЛЫНОВА.

А. С. В—на.

ВЯТКА.
Губернская Типографія.
1904.

Печатано по опредѣленію Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета.
Вятка. 19-го декабря 1903 года.



Хлыновъ старше или Хлыново?

„Развѣ преданія считаютъ годы событіямъ? Годы считаютъ книжники".
Филаретъ Черниговскій.

Въ нашей мѣстной печати, особенно въ послѣднее время, появляются статьи и брошюры, въ которыхъ, по нашему крайнему разумѣнію, придается несовсѣмъ подобающее значеніе „преданіямъ" и разнымъ сказаніямъ „по преданію" и „о преданіяхъ". Такъ напр. преданію о вятскихъ событіяхъ яко-бы XII вѣка, записанному книжникомъ не ранѣе послѣдней четверти XVII вѣка, въ одной статьѣ [1]) придается значеніе безспорнаго историческаго свидѣтельства, не подлежащаго сомнѣнію. Точно также въ другой брошюрѣ [2]), признается, напр., несомнѣнно достовѣрнымъ записанное „почтеннымъ духовнымъ лицомъ" въ Пермской губерніи преданіе о „трехъ чиновникахъ", посланныхъ по волѣ Грознаго заковать въ желѣза одного изъ Строгановыхъ и пріѣхавшихъ для этого въ Чусовскіе городки въ 1579 году изъ Кунгура, тогда еще и не существовавшаго [3]). Не приводимъ здѣсь другихъ примѣровъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ будутъ указаны въ нашей статьѣ при дальнѣйшемъ изложеніи.

Если даже въ XX столѣтіи такія преданія и сказанія о преданіяхъ возводятся на степень безспорныхъ и несомнѣнно достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ, то, прежде чѣмъ мы приступимъ къ разъясненію поставленнаго въ заглавіи вопроса, разрѣшаемаго и доселѣ иными только „по преда-

---

[1]) Въ статьѣ, помѣщенной въ № 11 Вятскихъ Епарх. Вѣдомостей 1903 года (с. 471), или въ брошюрѣ „Крестные ходы въ Вятской епархіи", свящ. А. Чернышева (с. 12).

[2]) „Преп. отецъ Трифонъ Вятскій чудотворецъ", свящ. М. Чемоданова, въ первомъ изданіи стр. 53, въ третьемъ изданіи стр. 37.

[3]) Кунгуръ построенъ въ 1648—9 году.

нію“, намъ приходится по необходимости сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о преданіяхъ вообще и ихъ значеніи.

Prima lex historiae, ne quid falsi dicat, писалъ Шлецеръ; и до него еще Байеръ говорилъ: ignorare malim, quam decipi; а Болтинъ предъявлялъ нашимъ историкамъ такое требованіе: „историкъ не долженъ укрывать или какъ либо превращать истину бытій по какому либо пристрастію, напр. къ своему отечеству, но всегда про все и всѣхъ говорить правду, безъ всякаго лицепріятія“. По мнѣнію митрополита Евгенія, „сущность исторіи состоитъ въ томъ, чтобы представить бытіе и дѣянія, сколь возможно, такъ, какъ они были, и въ такомъ порядкѣ, какъ были“. А по мнѣнію Фюстель-Куланжа, „исторія—не искусство, а наука, и ея первый законъ, какъ во всѣхъ наукахъ,—точность“.

Вотъ этому-то, предъявляемому къ историку писателями, какъ видимъ, самыхъ разнообразныхъ направленій, самому главному требованію—точности очень мало и очень рѣдко и могутъ удовлетворять преданія и сказанія, записанныя по преданіямъ. Извѣстна участь преданій: переходя изъ устъ въ уста, отъ одного передатчика—разсказчика къ другому, разсказы и о дѣйствительныхъ событіяхъ видоизмѣняются въ смыслѣ и выраженіяхъ, иногда и сокращаются, но всего чаще дополняются личными домыслами передатчика, теряютъ свой первоначальный видъ даже въ устахъ второго—третьяго передатчика, не говоря о послѣдующихъ, часто искажающихъ преданіе до неузнаваемости; причемъ почти каждый передатчикъ привноситъ въ преданіе что-нибудь свое,—разнообразное смотря по личности передатчика. Рѣдкій развѣ передатчикъ—разсказчикъ не разукрашалъ преданія своей фантазіей, а обыкновенно уже въ ближайшихъ поколѣніяхъ преданіе подвергается смѣшенію фактовъ разнаго времени, замѣнѣ одного лица, либо мѣста или времени, другимъ, самой разнообразной амплификаціи, преувеличеніямъ, часто тенденціознымъ либо баснословнымъ передѣлкамъ и т. п. Изъ массы такого рода трансформацій преданія укажемъ здѣсь ближайшія къ

намъ, первыя попавшіяся подъ руку. А. А. Спицыну еще въ 1887 году указывали слѣды „Яранской ратной тропы“, которая шла отъ р. Ветлуги и села Воздвиженскаго (близъ границы Семеновскаго и Яранскаго уѣздовъ) на Царевосанчурскъ, потомъ на Царевококшайскъ и доходила до Казани [1]). Тропа эта должна была проходить чрезъ рр. Рутку, Большую и Малую Кокшаги, Илеть и вѣроятно—притокъ послѣдней Ашитъ; и дѣйствительно изъ донесеній казанскихъ воеводъ Грозному [2]) мы узнаемъ, что въ 1554 году русская рать ходила на черемисъ „къ Нурмѣ и на Уржумъ, и воеводы направо и налѣво посылали многіе посылки, а война ихъ была отъ Казани по Каму, а отъ Волги за Ошитъ и за Уржумъ (рѣку) и на Илеть и по Вятскіе волости, отъ Казани вверхъ по Камѣ на полтриста верстъ, а ходили четыре недѣли“; въ слѣдующемъ же 1555 г. „ходили воеводы въ волость Вошлу, въ Ветлугу и въ Рутки, и была война въ волостяхъ въ Шумуршѣ, да дву волостехъ во Аршахъ, да Кухтуял-Кокшахъ, въ болшой да въ малой; были въ войнѣ двѣ недѣли, и назадъ шли Волгою же“. Но указывавшіе на ратную тропу рѣшительно заявляли г. Спицыну, что по ней шла не только рать Грознаго, а проходилъ „самъ Грозный“, который въ 1554—1555 годахъ спокойно пребывалъ въ Москвѣ и слушалъ тамъ отписки ратныхъ воеводъ объ ихъ походахъ. Въ Елабугѣ особенно почитается икона—„даръ Грознаго“. Грозный дѣйствительно посылалъ свои дары въ новостроющіяся при немъ, даже и не дворцовыя, слободы и поселенія, напр. въ Доможировской писцовой книгѣ 1628—1629 г. значатся три колокола на колокольнѣ построеннаго при Грозномъ города Шестакова—„даянье царя Іоанна Васильевича“. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Грозный послалъ „свое благословеніе“—икону и въ заводившуюся при немъ „свою—дворцовую“ сло-

---

[1]) Вятскія Губ. Вѣд. 1887 г. №—15.

[2]) Внесенныхъ въ Никоновскую лѣтопись, подъ 1554 и 1555 годами (VII, 213, 225). Донесенія эти подтверждаются кн. А. М. Курбскимъ, бывшимъ въ походѣ 1554 года воеводой сторожевого полка, въ „Исторіи Іоанна“, и мѣстническимъ его дѣломъ въ „Русскомъ Историческомъ Сборникѣ“ 1842 г., V, 295.

боду Елабугу. Но въ Елабугѣ до послѣдней четверти прошлаго столѣтія держалось „преданіе“, что Грозный „самъ былъ въ Елабугѣ по завоеваніи Казани“, несмотря на то, что изъ Царственной Книги, гдѣ описанъ очевидцемъ чуть не каждый день Іоанна во время похода на Казань въ 1552 году, видно, что въ теченіе недѣли послѣ взятія Казани,—съ 3 октября по 12, Грозный никуда не выѣзжалъ изъ Казани и 12 октября „въ ушкулехъ погребъ вверхъ по Волгѣ“ въ обратный путь на Москву съ великимъ поспѣшеніемъ [1]), а затѣмъ уже не только въ Елабугу, но и въ Казань никогда не думалъ даже и заглядывать. Какъ извѣстно, въ 1716 году Бековичъ-Черкасскій съ даннымъ ему Петромъ Великимъ отрядомъ высадился на восточномъ берегу Каспія и построилъ тутъ двѣ крѣпостцы, одну въ урочищѣ Тюкъ-Караганъ, а другую въ Красноводскомъ заливѣ; но самъ Петръ никогда не бывалъ на восточномъ берегу Каспія, а только въ 1722 году на западномъ берегу доходилъ до Дербента [2]). Тѣмъ не менѣе въ Красноводскѣ упорно держится преданіе, что мѣсто для города выбрано лично самимъ Петромъ, и указывается даже мѣсто, гдѣ онъ „завтракалъ“. Подобная же басня передается проѣзжимъ лицамъ въ фортѣ Александровскомъ, находящемся на Тюкъ-Караганскомъ полуостровѣ [3]).

Какимъ передѣлкамъ, домысламъ и добавленіямъ подвергаются преданія въ зависимости отъ личности, образованія, настроенія передатчика-разсказчика, наши читатели могутъ легко усмотрѣть изъ напечатанныхъ уже нами отрывковъ изъ „Записокъ“ Рычкова и Хитрово о древней Вяткѣ [4]). Во многихъ лѣтописяхъ подъ 6926 (1418) годомъ, а въ одной (Новгородской второй) подъ 6929 (1421) годомъ записано событіе на Вяткѣ, замѣченное, какъ очевидно, и въ другихъ даже отдаленныхъ отъ Вятки мѣстностяхъ: „убіенъ бысть на Вяткѣ

---

[1]) Царств. Кн. 315—317.

[2]) Исторія Россіи Соловьева, IV, 648, 678.

[3]) Русскій Вѣстникъ 1887 г., октябрь, 734.

[4]) Въ Календарѣ Вятской губ. на 1893 годъ, стр. 313—337, особенно 322, 323, 328, 329—337.

Анфалъ и сынъ его Нестеръ отъ Михаила Розсохина". Объ этомъ Анфалѣ въ тѣхъ же лѣтописяхъ за предшествовавшіе событію годы записано не мало извѣстій, какъ о двинскомъ бояринѣ, отложившемся отъ Новгорода на сторону великаго князя Московскаго, какъ самомъ близкомъ „другѣ" устюжанъ, тоже державшихъ сторону великаго князя и защищавшихъ всегда Анфала противъ новгородцевъ. Вмѣстѣ съ Анфаломъ побиты были на Вяткѣ и устюжане, и съ этого же времени начинаются постоянные набѣги вятчанъ „искрадомъ" и „изгономъ" на Устюгъ, продолжавшіеся около 70 лѣтъ, до самого покоренія Вятки Москвой въ 1489 году. Въ концѣ лѣта послѣдняго года сильная рать Іоанна III, составленная преимущественно изъ „обиженныхъ" вятчанами сѣверныхъ ихъ сосѣдей, заняла среднее теченіе Вятки отъ Котельнича по устье Чепцы, обложила Хлыновъ и, по сдачѣ города, возвращаясь по домамъ, „на Семенъ-день", т. е. на 1 сентября 1489 года, „всю Вятку развела", забрала вятчанъ съ собой, конечно—кромѣ укрывшихся по лѣсамъ, да еще извѣстныхъ воеводамъ московской рати сторонниковъ великаго князя. За тѣмъ немедленно началось и добровольное и даже недобровольное, по волѣ великаго князя, заселеніе Вятки устюжанами и ихъ сосѣдями—двинянами, важанами, вычегжанами, бѣлозерцами, вологжанами, вилежанами (съ р. Виляди), переселенцами съ береговъ Юга и его притоковъ, съ береговъ Сысолы, Вымп, Леди и др. Новые переселенцы, занявшіе селенія и ухожаи „кроволитныхъ" (по выраженію митр. Іоны) вятскихъ „сведенцовъ", какъ люди уже болѣе послѣднихъ тронутые христіанствомъ, стали поминать погибшихъ въ столкновеніяхъ съ „кроволитными" своихъ отцовъ и дѣдовъ и вносить ихъ въ церковные „сенаники". Въ обычныхъ, самыхъ краткихъ, записяхъ синодиковъ появились такія „памятки":

„Сабурова дружина 6929 года.

„Анфала. Степана. Нестора. Матоеа 2. Григорія. Иоанна. „Пангратія. Исаакія и иже съ ними убіенныхъ. Убилъ на „Вяткѣ Михайло Росохинъ".

Или такія:

„Устюжскіе.

„Василія. Ѳеодора. Патрикіа. и иже с ними 7000 убитыхъ „подъ Котелничемъ градомъ“.

Помянныя записи переносились, по обыкновенію, изъ старыхъ обветшавшихъ синодиковъ въ болѣе поздніе, и въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ сохранились даже до нашего времени. Число убитыхъ показывалось въ синодикахъ неодинаково: убитыхъ на Вяткѣ съ Анфаломъ показывалось то 9000, то 4000; точно также и убитыхъ подъ Котельничемъ поминалось по записямъ синодиковъ то 7000, то 4000, то безъ указаній числа [1]). Поминались убитые обитатели Устюжской и сосѣднихъ съ ней сѣверныхъ мѣстностей, что подтверждаютъ какъ самыя записи синодиковъ, такъ и то обстоятельство, что, по показанію старожиловъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія [2]), еще въ XVIII вѣкѣ приходили на Вятку „поминать родителей“ издалека—„съ Устюжской стороны“ потомки убитыхъ. Но показаны ли въ числѣ поминаемыхъ тысячъ только убитые въ одно время съ Анфаломъ, не имѣлись ли въ виду у поминающихъ потомковъ и погибшіе отъ вятчанъ, въ періодъ продолжительной (до 1489) вражды съ ними, устюжане, также—не считались ли въ огульныхъ тысячныхъ цифрахъ и погибшіе въ борьбѣ вятчане, сказать рѣшительно едва ли теперь возможно. Только, разумѣется, нельзя указывать мѣсто гибели устюжанъ единственно у нынѣшняго города Вятки (какъ это дѣлаетъ большая часть „списателей“ преданія), такъ какъ города Вятки, переименованнаго такъ изъ Хлынова въ 1780 году, тогда не существовало, и выраженіе синодиковъ „убитые на Вяткѣ“ равносильно выраженію „убитые въ Вятской землѣ“; да притомъ убитые устюжане поминаются еще, и не въ одно и тоже время, въ Котельничѣ, также въ поселеніяхъ весьма древнихъ—Истобенскомъ и Гостевскомъ [3]).

---

[1]) Сравн. Вечтомова въ Казанскомъ Вѣстникѣ 1825 г., XIII, 248, и Записки капитана Рычкова въ Календарѣ Вятской губ. на 1893 г. 323 с.

[2]) Сѣнниковъ въ Вятскихъ Губ. Вѣд. 1862 г. № 24.

[3]) Въ г. Вяткѣ поминаются въ четвертую субботу по пасхѣ, въ

Причины и подробныя обстоятельства событія, записаннаго въ синодикахъ если не сыновьями, то внуками убитыхъ съ Анфаломъ „устюжскихъ родителей“, надо полагать, были еще памятны новымъ переселенцамъ на Вятку послѣ 1489 года; но съ теченіемъ времени онѣ, конечно, изглаждались изъ памяти потомковъ этихъ переселенцевъ, и лѣтъ черезъ триста, во второй половинѣ XVIII вѣка, о самомъ событіи ходили на Вяткѣ уже разныя версіи. По одной версіи устюжане съ Анфаломъ приходили къ вятчанамъ „на помощь“—спасать ихъ отъ нападенія татаръ, по другой—отъ черемисъ; по третьей версіи устюжане были посланы „покорить“ вятчанъ, не то великимъ княземъ, не то какими-то удѣльными князьями, настроенными будто-бы противъ вятчанъ со стороны новгородцевъ; по четвертой версіи произошла ссора между „предводителями“ вятчанъ—Розсохинымъ и Анфаломъ, тоже будто-бы жившимъ на Вяткѣ, а за ссорой послѣдовала и битва между ними и ихъ сторонниками; наконецъ еще по одной версіи гибель цѣлыхъ тысячей произошла отъ недоразумѣнія и ночной темноты: сидѣвшіе въ г. Хлыновѣ вятчане замѣтили въ глухую ночную пору приближающуюся къ городу массу народа, приняли ее за враговъ—инородцевъ и начали битву, продолжавшуюся цѣлую ночь, а поутру пришедшіе подъ Хлыновъ оказались устюжанами [1])...

Въ это время, именно въ 1770 году, проѣхалъ черезъ Хлыновъ адъюнктъ Академіи Наукъ Н. П. Рычковъ, которому между прочимъ поручено было собрать достовѣрныя

Котельничѣ въ четвергъ седьмой недѣли по пасхѣ, въ с. Истобенскомъ (съ крестнымъ ходомъ въ часовню на берегу р. Вятки) въ субботу на Троицкой недѣлѣ (Вятскія Губ. Вѣд. 1862 г. № 24, 1865 г. № 79, 1873 г. № 19 и 23).—Поминаютъ „устюжскихъ родителей“ и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ с. Покровскомъ Котельническаго уѣзда, въ с. Верхосунье Нолинскаго уѣзда, на Троицкой недѣлѣ, въ с. Макарьевскомъ Вятскаго уѣзда, въ Гарцинской часовнѣ, въ шестую субботу послѣ пасхи; но это уже позднѣйшія поселенія на Вяткѣ (Вятскія Епарх. Вѣдом. 1876 г., № 20, 570—571).

[1]) Всѣ эти версіи записаны у Вечтомова въ Казанскомъ Вѣстникѣ 1825 г., XIII, 160, 248.

историческія свѣдѣнія о посѣщенныхъ имъ мѣстностяхъ. Капитанъ—адъюнктъ, оказавшійся впослѣдствіи легкомысленнымъ и недобросовѣстнымъ чиновникомъ жуиромъ [1]), а въ 1770—71 годахъ „для занимательности“ своихъ „Дневныхъ Записокъ“ вносившій въ нихъ, вмѣсто достовѣрныхъ, чаще всего „курьезныя“ сказанія и преданія, повторивъ въ своихъ „Запискахъ“ съ полнымъ довѣріемъ, да еще съ добавленіемъ своихъ, анахронизмы „Повѣсти о странѣ Вятской“ (или такъ называемаго „Вятскаго Лѣтописца“), предпочелъ другимъ версіямъ преданія объ убитыхъ на Вяткѣ устюжанахъ послѣднюю версію, „болѣе занимательную для любопытныхъ читателей“, и передалъ это преданіе съ такими домыслами и прикрасами своей фантазіи: „Устюжане, услышавъ о раззореніи вятчанъ отъ варварскихъ народовъ, отправили къ нимъ на помощь нѣсколько тысячь вооруженныхъ людей, которые, считая вятчанъ осажденными отъ татарскихъ войскъ и желая, чтобъ о пришествіи ихъ не увѣдали въ непріятельскомъ стану, разсудили, не давая знать гражданамъ г. Хлынова, притти къ нимъ въ ночную темноту. Они пошли ко граду подлѣ самаго берегу р. Вятки, гдѣ отъ зрѣнія людскаго вмѣстѣ съ темнотою прикрывала ихъ высокая гора, на верху коей стоитъ городъ. Съ великою тишиною приближались они къ самому городу; но городскіе стражи, усмотря при подошвѣ горы колеблющійся народъ, почли ихъ за непріятелей и тотчасъ ударили тревогу. На тревогу

[1]) Въ 1772 г. онъ былъ опредѣленъ „смотрителемъ или директоромъ надъ крестьянами назначенными для шелковаго разведенія“, и въ періодъ 1772—1784 гг. для этой цѣли было переселено имъ въ низовья Волги, на Ахтубу, болѣе 3000 казенныхъ крестьянъ, помѣщенныхъ въ шести слободахъ. Въ 1785 г., когда онъ былъ отставленъ отъ директорства, оказалось, что за все время его управленія сдѣлано крестьянами 37 пудовъ шелка съ фунтами, въ общей сложности по 6 золотниковъ на душу въ годъ, да и тотъ, за исключеніемъ „малаго количества очень худого“, надо было считать „подложнымъ“, такъ какъ крестьяне, для сдачи въ казну покупали шелкъ въ Кизлярѣ и другихъ мѣстахъ, а замѣнившему Рычкова директору Огареву сказали, что въ шелководствѣ ничего не разумѣютъ и никогда въ томъ не упражнялись; да и строенія заводскія для разведенія шелка оказались развалившимися. В. И. Семевскій, въ „Русской Мысли“ 1901 г., іюнь, 6—8, 13.

сбѣжались всѣ городскіе жители, усмотрѣли сквозь мглу множество пришедшихъ людей, о которыхъ всѣ говорили, что они суть враги города. Пробудившись отъ сна, увидя себя окруженныхъ невѣдомо какимъ народомъ, не разбирая ничего, съ ужаснымъ отчаяніемъ сдѣлали они изъ города вылазку и вступили съ пришедшими къ городу въ кровопролитный бой. Ярость умножалась съ обѣихъ сторонъ тѣмъ паче, что обои народы въ темнотѣ думали, что они убиваютъ непріятелей: ибо вятчане почли пришедшихъ къ городу черемисами, а устюжане приняли вятчанъ за татаръ, овладѣвшихъ г. Хлыновомъ. Въ такихъ мысляхъ сражающіеся проливали кровь свою до тѣхъ поръ, какъ утренняя заря освѣтила ихъ отъ темноты ночной... Тогда узнавъ другъ друга, ударились въ несказанную печаль, видя умерщвленныхъ своихъ родственниковъ и пріятелей; и наконецъ печаль сія превратилась въ пущее ихъ междоусобіе, тѣмъ паче, что обои считали сіе ужасное кровопролитіе съ чьей нибудь стороны за умышленное. Прекратилось сіе междоусобіе тѣмъ, что предводитель устюжскихъ войскъ Афаилъ и сынъ его Несторъ убиты были отъ нѣкоего Михайлы Россохина, бывшаго вятскимъ народоначальникомъ. Сказываютъ, что съ обѣихъ сторонъ на мѣстѣ убито болѣе 4000 человѣкъ, которые всѣ погребены въ предмѣстіи г. Хлынова, гдѣ нынѣшніе градскіе жители, въ память сего несчастнаго случая, отправляютъ ежегодно при собраніи всего народа печальныя поминки“ [1]).

Въ такой занимательной „отдѣлкѣ“ преданіе объ убитыхъ съ Анфаломъ устюжанахъ, отнесенное Рычковымъ (вопреки ясному показанію лѣтописей и синодиковъ) къ 1392 году, съ метаморфозой столь извѣстнаго Анфала въ какого-то Афаила, внесено было, какъ „достовѣрное“, въ общераспространенный словарь Щекатова (изд. 1786—89 и 1801—1809 гг.), и съ тѣхъ поръ повторяется съ варіантами въ невѣроятно-многочисленныхъ компиляціяхъ не только мѣстныхъ губернскихъ „списателей“, но и писателей иногородныхъ и столич-

[1]) Насколько вѣроятна такая ночная битва и гибель 4000, указано нами въ Календарѣ Вятской губ. на 1893 г., 335.

ныхъ, напр. казанскихъ профессоровъ Баженова и Диттеля, у С. В. Максимова и въ разныхъ журналахъ, какъ напр. „Семья и Школа“...

Но вотъ въ 1811 году является въ г. Вяткѣ (не по доброй волѣ) блестящій 33-лѣтній генералъ, вращавшійся въ высшихъ сферахъ петербургскаго и московскаго общества, зять фельдмаршала Кутузова, но и великій поклонникъ Наполеона, Н. З. Хитрово. Какъ члену Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, ему вздумалось сообщить своему ученому Обществу „историческія“ свѣдѣнія о вятскихъ древностяхъ. Рычковская „отдѣлка“ преданія фешенебельному генералу показалось недостаточно-занимательной; Николай Захаровичъ рѣшился „поукрасить“ разсказъ Рычкова и передалъ его „по своему“, съ апломбомъ знатока военнаго дѣла и вмѣстѣ—съ игривостью салоннаго разсказчика. „Каждый годъ 22 апрѣля“, по пересказу Хитрово, „жители г. Вятки толпами собираются къ небольшой деревянной часовнѣ, гдѣ поютъ панихиды о упокоеніи душъ своихъ соотечественниковъ и родныхъ, убіенныхъ въ тотъ день 1392 года, во время сраженія, даннаго, по ошибкѣ ихъ начальниковъ, союзникамъ—жителямъ княжества Устюжскаго. Жители Вятки безпрерывно воевали съ татарами, кои причиняли имъ много зла и всегда одерживали надъ ними верхъ. Устюжцы-союзники хлыновцевъ захотѣли помочь имъ и послали къ нимъ на помощь войско подъ начальствомъ князя Афаила и сына его Нестора, скрывая отъ нихъ свои намѣренія. Они самымъ тайнымъ образомъ прибыли ночью съ войскомъ и заняли позицію на возвышеніяхъ, прикрывающихъ городъ, чтобъ сдѣлать внезапное нападеніе на одно крыло татарской арміи, которое, узнавши о приходѣ непріятеля, обратилось въ бѣгство и оставило только одинъ отрядъ войска для прикрытія своихъ движеній. Бѣдные вятичи, не зная благороднаго намѣренія союзниковъ, тотчасъ на нихъ напали, почтя ихъ за татарское войско, дѣлавшее маневры для смѣны караула. Битва началась съ обѣихъ сторонъ равно жестокая, продолжалась всю ночь

и только лишь на разсвѣтѣ кончилась. Съ дневнымъ свѣтомъ хлыновцы увидѣли свою ошибку и предались величайшему унынію; но не было никакого средства помочь бѣдѣ. Союзники лишились двухъ своихъ начальниковъ и тысячи человѣкъ; но жители Вятки, подъ предводительствомъ Михаила Расахатина, бывшаго начальникомъ округа, принудили ихъ оставить позиціи, удалиться, и разбили бы ихъ всѣхъ на-голову, если-бъ разсвѣтъ не помѣшалъ гнаться за ними, и если-бъ сіи послѣдніе не были узнаны. Однако потеря и вятичей простиралась свыше 4000 человѣкъ, потому что надлежало взойти на возвышенія, чтобъ прогнать мнимыхъ непріятелей. Весьма любопытно, что пламенная любовь имѣла вліяніе на ревность устюжцевъ; ибо князь Афаилъ рѣшился предпринять сей походъ по усильнымъ просьбамъ сына своего Нестора объ оказаніи помощи жителямъ Вятки. Князь Несторъ былъ влюбленъ въ дочь начальника удѣла Расахатина и и надѣялся, что отецъ его одобритъ выборъ его сердца; но судьба положила предѣлъ сей любви плачевною смертію родителя и сына. Дочь Расахатина прекрасная Евдокія, узнавши о смерти своего любезнаго, предалась жесточайшему отчаянію, и даже полагаютъ, что она приняла ядъ, ибо умерла нѣсколько дней послѣ сего сраженія. Она предъ смертію просила, чтобъ похоронили ее вмѣстѣ съ ея любезнымъ и отцомъ его; но было невозможно исполнить сію просьбу, ибо устюжцы тѣла своихъ князей увезли съ собою“.

Приведенные здѣсь примѣры, намъ кажется, наглядно показываютъ, какимъ домысламъ, передѣлкамъ и отдѣлкамъ подвергаются преданія, и какъ будетъ ошибаться историкъ, если позволитъ себѣ полное довѣріе такимъ преданіямъ, если не будетъ внимательно разбиратъся въ нихъ и относиться къ нимъ критически. Полагаться на исправность всякаго преданія не можетъ историкъ, который прежде всего желаетъ быть правдивымъ и точнымъ; такому историку приходится быть весьма осторожнымъ съ преданіями и употребить иногда немало времени и труда, чтобы услѣдить происхожденіе и ростъ иного преданія, отмѣтить въ немъ передѣлки, добавки

и другія наслоенія въ устахъ или писаніяхъ позднѣйшихъ пересказчиковъ, и чтобы затѣмъ въ мусорѣ такихъ наслоеній отыскать только зерна, только крупицы истины. Кропотлива иногда такая работа надъ преданіями, но бываетъ неизбѣжна для желающаго избѣжать ошибокъ и басней строгаго и точнаго историческаго изслѣдователя.

Самый начитанный въ свое время труженикъ и авторитетный судія на поприщѣ такого историческаго изслѣдованія—преосв. Филаретъ Черниговскій требуетъ отъ историка крайней осторожности не только при изложеніи преданій о событіяхъ гражданскихъ, но и —даже болѣе—при изложеніи преданій и старо-письменныхъ сказаній о святыхъ и святыняхъ. „Много нынѣ является желающихъ писать житія святыхъ“,—читаемъ мы въ недавно изданныхъ письмахъ его митрополиту Филарету Московскому [1]),—„но плоды сильныхъ желаній показываютъ собою, что новые писатели не думаютъ слѣдовать примѣру и правиламъ св. Димитрія Ростовскаго“. Для характеристики этихъ „новыхъ писателей“ онъ указывалъ Московскому владыкѣ на одного списателя довольно распространенныхъ тогда житій, сравнивалъ его съ извѣстнымъ по опрометчивости сочинителемъ житія Ефросинова клирикомъ Василіемъ и находилъ, что у новаго писателя житій „та же (что и у клирика) говорливость, та же забота о громѣ и блескѣ словъ, безъ заботы о мысли и истинѣ, то же отсутствіе всякой критики, то же легкомысліе, та же самонадѣянность, не допускающая въ себѣ возможности ошибки. Польза св. церкви“, заключалъ онъ свою рѣчь, „требуетъ остановить потокъ (такихъ неосмотрительныхъ писаній) спокойнымъ разсмотрѣніемъ того, что дѣйствительно было и и что явилось только по неразсудительному смыслу“ (старинныхъ списателей преданій). Составивъ потомъ, послѣ кропотливаго труда, „съ спокойнымъ разсмотрѣніемъ того, что дѣйствительно было“, свои „Житія святыхъ“, онъ обращается

---

[1]) Въ письмахъ отъ 9 января 1857 г. и отъ 28 декабря 1858 г., напечатанныхъ въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1898 г., ч. I, 275, 278.

къ читателямъ съ такимъ поучительнымъ предисловіемъ [1]): „Прославлять святыхъ—дѣло святое; но надобно умѣнье совершать дѣло святое. *Да не будетъ ми лгати на святого*, повторялъ св. Димитрій Ростовскій, когда писалъ житія святыхъ. Осужденіе, произнесенное церковію надъ повѣстію клирика Василія о преп. Ефросинѣ, показываетъ, что православная церковь не терпитъ вымысловъ въ повѣстяхъ о святыхъ, коль скоро открываетъ ихъ. Поэтому разборчивость въ довѣріи къ старымъ памятникамъ при описаніи святыхъ болѣе нужна, чѣмъ при описаніи событій гражданскихъ. Прежнія повѣствованія о святыхъ русскихъ писаны—немногія современниками, очень многія людьми поздними (по преданіямъ), притомъ писаны людьми разныхъ дарованій и разнаго образованія. Повторять всѣ эти повѣсти безъ разбора, безъ повѣрки,—грѣшно предъ чистою совѣстію и стыдно предъ просвѣщеннымъ умомъ. Не оскорбимъ старыхъ повѣствователей, если напр. на мѣсто поздняго, ни чѣмъ не оправдываемаго, извѣстія поставимъ извѣстія другихъ болѣе древнихъ памятниковъ. Это будетъ службою правдѣ, которую всѣ должны уважать". (Слѣды такого „служенія правдѣ" мы и замѣчаемъ въ „Житіяхъ", составленныхъ преосв. Филаретомъ: въ нихъ онъ не опускаетъ случая указать въ старописьменныхъ памятникахъ разнаго рода ошибки, появившіяся тамъ то отъ неразборчиваго довѣрія къ неосновательнымъ преданіямъ, то отъ неосмотрительности либо простоты, то иногда отъ какой нибудь позднѣйшей тенденціи, то отъ какихъ нибудь другихъ причинъ. Такъ напр. въ одномъ житіи, подъ 8 октября, онъ замѣчаетъ, что, „первая половина старописьменнаго памятника, писанная по слухамъ, требуетъ особенной осмотрительности". Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что въ Румянцевскомъ древнемъ прологѣ было написано: „идѣ же и нынѣ есть церкы у Турова святому мученику", т. е. церковь Бориса и Глѣба у того мѣста, гдѣ стоялъ идолъ Туръ; а впослѣдствіи писцы одинъ за

[1]) „Житія Святыхъ" преосв. Филарета Черниговскаго, изд. 1885 г., т. I, Предисловіе V—VI.

другимъ писали: „поставлена бысть церковь во имя св. мученика Турова“, и эта ошибка вошла въ Степенную книгу“. Въ житіи Всеволода—Гавріила Псковскаго преосв. Филаретъ отмѣчаетъ, что составитель старописьменнаго сказанія объ этомъ святомъ утверждалъ, будто „блаженный Всеволодъ въ 1130 году градъ Ригу ратова“, а по довѣрію къ этому сказанію и составитель Степенной книги утверждаетъ то же; между тѣмъ Рига въ 1130 году еще не существовала, и составитель старописьменнаго житія, а за нимъ и Степенная, приписали Всеволоду—Гавріилу походъ противъ Риги другого князя Всеволода—Мстиславича. Въ житіи Варлаама Хутынскаго онъ обстоятельно объясняетъ ошибочныя показанія объ этомъ святомъ книги Степенной, попавшія въ эту книгу отъ смѣшенія „Хутынскаго чьрица Варлаама, а мірскимъ именемъ Алексы Михалевиця“, съ другимъ позднѣйшимъ чернцомъ — то же Варламомъ, только „мірскы Вячеславомъ Прокшиничемъ“. Не оставляетъ онъ безъ отмѣтки и позднѣйшхъ тенденціозныхъ вставокъ въ старописьменныхъ памятникахъ, напр. въ рукописномъ житіи Александра Невскаго онъ находитъ изложеніе вѣры его, посланное папѣ римскому въ отвѣтъ на предложеніе папы принять римскую вѣру: это изложеніе вѣры правдолюбивый Черниговскій владыка необинуясь признаетъ подложнымъ, вымысломъ XVI вѣка, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ опроверженіе лютеранскихъ мыслей о поклоненіи иконамъ и почитаніи святыхъ [1]). Такія и подобныя имъ отмѣтки и замѣтки ставятъ, по нашему мнѣнію, „Житія“ преосв. Черниговскаго гораздо выше другихъ, современныхъ ему, писаній того же рода и могутъ вызывать недоумѣніе развѣ только у тѣхъ, кто готовъ по-старовѣрчески отстаивать всякое, даже несостоятельное, преданіе и считать неприкосновенною каждую букву во всякомъ, даже и ошибочно составленномъ, старо-письменномъ памятникѣ о святыхъ и святыняхъ [2]).

---

[1]) „Житія Святыхъ“, преосв. Филарета Черниговскаго, изд 1885 г., т. X, прим. 100; т VII, прим. 186; т. II, подъ 11 февраля; т. XI, подъ 6 ноября; т. XI, прим. 323.

[2]) „Христіанство“,—писалъ 20 лѣтъ тому назадъ высокообразо-

Особенной внимательности и строгой осмотрительности требуетъ преосв. Филаретъ отъ историческаго писателя относительно хронологическихъ датъ при преданіяхъ и сказаніяхъ о преданіяхъ: какъ видно изъ эпиграфа настоящей нашей статьи, обширная начитанность въ такихъ сказаніяхъ дала ему твердыя основанія часто сомнѣваться въ вѣрности этихъ датъ и замѣтить, что преданія переходятъ отъ одного передатчика другому весьма рѣдко съ точнымъ обозначеніемъ времени передаваемыхъ событій, и если при преданіяхъ и указываются годы событій, то это дѣлается всего чаще позднѣйшими книжниками, и невсегда правильно и точно. Послѣднія замѣчанія и требованія преосв. Филарета, разумѣется, вполнѣ справедливы и основательны. Дѣло въ томъ, что старинные книжники относились къ хронологическимъ показаніямъ далеко не такъ аккуратно и внимательно, какъ это требуется нынѣ. Если нынѣ, напр., П. И. Бартеневъ сообщитъ читателямъ „Русскаго Архива", что „думы покойнаго цесаревича Николая были потревожены покушеніемъ Каракозова", то читатели тотчасъ же замѣтятъ, что цесаревичъ Николай скончался въ 1865 году, а покушеніе Каракозова было въ 1866 году. Если нынѣ авторъ жизнеописанія святого мужа скажетъ сначала, что святый родился 1543 года, постриженъ въ 1565 году, жилъ въ монастырѣ, гдѣ постриженъ, шесть лѣтъ (1565—1571), ушелъ изъ мона-

ванный православный московскій протоіерей,—„не есть религія лжи, но религія высшей божественной истины. У христіанства и науки одна цѣль—истина. Поэтому ничто служащее къ открытію и уясненію научной истины не отвергается истиннымъ христіанствомъ, и ничто въ существѣ дѣла противное научной истинѣ не принимается и не оправдывается имъ. Всякіе пріемы и тенденціи, противные наукѣ, въ такой же степени противны истинному христіанству. Напр., правильное понима. христіанства вовсе не требуетъ и не допускаетъ того, чтобы въ интересахъ христіанской церкви распространялись какія-либо вымышленныя сказанія, поддерживались темныя суевѣрія, выдумывались небывалыя чудеса, сочинялись фальшивые историческіе памятники. Это противно истинному христіанству столько же, сколько и истинной наукѣ". Прот. Иванцова-Платонова: „За двадцать лѣтъ священства", М. 1884 г., 272—275.

стыря на отдаленную рѣку 28 лѣтъ отъ роду въ 1571 году, жилъ на этой рѣкѣ 9 лѣтъ до конца 1579 года, скончался 70 лѣтъ; а потомъ тотъ же авторъ о томъ же святомъ черезъ семь лѣтъ, въ другомъ изданіи жизнеописанія, скажетъ, что тотъ же самый святый родился въ 1546 году, постриженъ въ 1568 году, жилъ въ томъ же монастырѣ не шесть лѣтъ, а три года (1567—1570 гг.), ушелъ на отдаленную рѣку 26 лѣтъ въ 1572 году, жилъ на этой рѣкѣ 8 лѣтъ, а скончался не 70, а 66-ти лѣтъ: то, при сравненіи того и другого изданія жизнеописанія, такая неустойчивость и разногласіе въ показаніи датъ естественно вызываетъ въ нынѣшнихъ благочестивыхъ читателяхъ недоумѣніе и даже нѣкоторое колебаніе довѣрія къ показаніямъ жизнеописателя. Но не такъ обстояло дѣло въ доброе старое время. Книжникъ конца XVII вѣка, писавшій „Повѣсть о странѣ Вятской“ (называемую и „Вятскимъ лѣтописцемъ“), передавая ходившее въ его время преданіе о заселеніи Вятской земли новгородцами, смѣло и рѣшительно начиналъ свой разсказъ съ хронологическаго показанія: „въ лѣто 6682, во дни великаго князя Ярослава, сына Владимірова, отдѣлишася отъ предѣлъ Великаго Нова града жителіе новгородцы само властцы“ и т. д., и такая хронологическая „безлѣпица“, будто въ 6682 (1174) году продолжались „дни великаго князя Ярослава сына Владимірова“, умершаго въ 6562 (1054) году—за 120 лѣтъ до 6682 года, безъ сомнѣнія и колебаній переносилась изъ одного списка „Повѣсти“ въ другой, въ одномъ изъ списковъ дошла въ 1770 году до адъюнкта Академіи Наукъ Рычкова и также безъ сомнѣнія и колебанія, безъ какой либо оговорки, переписана имъ буквально въ статью „О древности г. Хлынова“ (въ его „Дневныхъ Запискахъ“ [1]). Тотъ же книжникъ, въ той же „Повѣсти“, передавая преданіе о взятіи новгородцами чудскаго городка на на р. Вяткѣ, пишетъ, что новгородцы въ 6689 (1181) году „сурово и жестоко призываху на помощь святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба“ и просили ихъ „способствовать

[1]) Календарь Вятской губ. на 1893 годъ, 315.

молитвами" взятію города, „якоже иногда даровали побѣду на шведы новгородскому великому князю Александру Невскому", побѣду одержанную Александромъ въ 6748 (1240) году. Упоминали стало быть новгородцы въ своей молитвѣ *о событіи, которое случилось только уже спустя* 60 лѣтъ послѣ ихъ молитвы; но и такой вопіющій анахронизмъ въ датѣ „Повѣсти" не замѣчался ея читателями, не замѣченъ былъ ни Рычковымъ, ни Вечтомовымъ. Замѣтилъ его первый только Карамзинъ, но и тотъ призналъ анахронизмъ позднѣйшей „вставкой глупыхъ дополнителей" Повѣсти, хотя молитва новгородцевъ и представляетъ существенное доказательство благочестія новгородскихъ пришельцевъ на р. Вятку, изобразить которое было главною цѣлью „Повѣсти". Еще примѣръ—уже не изъ вятскаго книжника: въ рукописномъ житіи преп. Антонія Дымскаго, составленномъ въ XIII вѣкѣ, сказано, что храмъ въ своей обители преподобный построилъ „по грамотѣ св. Александра Невскаго"; но въ *томъ же житіи сказано,* что Антоній скончался въ 1224 году, а Александръ Невскій, по всѣмъ лѣтописямъ, въ первый разъ явился въ Новгородѣ княземъ въ 1228 году [1]). Въ слѣдующіе вѣка житіе это переписывалось много разъ, но до самаго позднѣйшаго времени ни разу не было сдѣлано указаній на анахронизмъ житія. Какъ вообще относились къ хронологіи въ старину, видно изъ слѣдующаго: въ концѣ 1581 года подъ новый 1582 годъ русскіе уполномоченные для переговоровъ о мирѣ съ польскими уполномоченными, при посредствѣ Антонія Поссевина, на Киверовой горѣ, заявили торжественно, при спорѣ о титулѣ русскаго царя, что „римскіе императоры Аркадій и Гонорій дали еще великому князю Владиміру императорскій титулъ, который былъ признанъ и папами". На замѣчаніе Поссевина, что сыновья Θеодосія Великаго Аркадій и Гонорій жили приблизительно за 500 лѣтъ до Владиміра, русскіе дипломаты (Елецкій и Олферьевъ съ дьякомъ

---

[1] Житія Святыхъ преосв. Филарета Черниговскаго, т. I, прим. 190.

Басенкомъ-Верещагинымъ) сказали, что „въ X вѣкѣ жили два другіе императора того же названія“ [1]).

Но помимо такого небрежнаго, а иногда и полупрезрительнаго (надо бы выразиться пожестче), отношенія къ хронологіи, въ старописьменныхъ памятникахъ появилась масса неточныхъ и невѣрныхъ хронологическихъ показаній и отъ другихъ причинъ. Въ „Лѣтописцѣ вскорѣ“ Никифора патріарха Цареградскаго, вслѣдствіе смѣшенія числа 318 отцевъ Никейскаго собора съ годомъ собора 325-мъ, произошла ошибка въ счетѣ годовъ отъ Рождества Христова до императора Михаила III; именно—сказано, что „отъ царя Константина (Великаго) до Михаила лѣтъ 542, а отъ Рождества Христова до Константина, т. е. до перваго Никейскаго собора, сосчитано 318 лѣтъ, вмѣсто 325. Такимъ образомъ по расчету „Лѣтописца вскорѣ“ и вышло, что Михаилъ началъ царствовать въ 860 году по Рождествѣ Христовѣ, тогда какъ онъ началъ царствовать въ 842 году. Эта ошибка изъ Никифора лѣтописца перешла въ нашу начальную лѣтопись—въ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, а изъ нея во всѣ русскія лѣтописи. Уяснивъ эту ошибку, академикъ А. А. Шахматовъ въ своей „Хронологіи древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ“, послѣ тщательнаго ихъ изученія, пришелъ къ заключенію, что въ нашей древней исторіи—„Повѣсти временныхъ лѣтъ“ до 945 года могутъ быть признаны достовѣрными только четыре года, внесенные въ лѣтопись—907, 912, 941 и 945 [2]). Но масса неточныхъ и невѣрныхъ хронологическихъ показаній оказывается и въ слѣдующихъ за „Повѣстію временныхъ лѣтъ“—болѣе позднихъ по времени лѣтописяхъ. Читателямъ, еще недостаточно знакомымъ съ этими лѣтописями, мы предлагаемъ только слегка просмотрѣть изданный Археографическою Комиссіей „Указатель къ осьми томамъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей“, и

---

[1]) „Россія и папскій престолъ“. Пирлинга, въ извлеченіи В. Тимощукъ въ „Русск. Старинѣ“ 1903 г., мартъ, 599—600.—Карамзина И. Г. Р., IX, прим. 594.

[2]) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1897 г., мартъ 220—221, апрѣль 482.

они тотчасъ же замѣтятъ, что весьма и весьма многія событія записаны въ одной лѣтописи подъ однимъ, а въ другой подъ другимъ годомъ, что въ одной и той же лѣтописи многія событія записаны дважды, а иныя даже и три раза, подъ разными годами. Такое разногласіе въ лѣтописныхъ сводахъ могло происходить отъ ошибочнаго подсчета годовъ, напр. при переводѣ мартовскаго счисленія на сентябрское, подобно тому, какъ еще и донынѣ у малоподготовленныхъ къ историческому труду сочинителей встрѣчаются часто ошибки при переводѣ сентябрскаго счисленія на январское. Могло происходить разногласіе въ датахъ и *отъ того*, что подъ руками составителей лѣтописныхъ сводовъ были разныя лѣтописныя записи, разныхъ описателей однихъ и тѣхъ же событій; а „старые русскіе люди", по замѣчанію А. Н. Пыпина [1]), „бывали не весьма грамотны, интересъ историческій былъ развитъ въ нихъ слабо, и когда они считали нужнымъ записать въ лѣтопись какія нибудь событія, они дѣлали это очень кратко, случайно, иногда только черезъ многіе десятки лѣтъ, не по прямымъ фактамъ, а по преданіямъ, сохранившимся случайно, стало быть и не всегда съ точнымъ показаніемъ времени событій". Но составители лѣтописныхъ сводовъ, имѣя подъ руками такія, нерѣдко съ разными хронологическими показаніями объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ, лѣтописныя записи, не хотѣли оставлять безъ вниманія и разнорѣчивыхъ записей и вносили ихъ въ свои своды подъ разными годами. Могли быть, конечно, и другія причины указаннаго разногласія въ хронологическихъ лѣтописныхъ показаніяхъ; но едва ли не самую значительную часть такихъ разногласій приходится относить еще къ ошибкамъ и опискамъ старинныхъ писцовъ.

Уже въ старой Палеѣ [2]) мы находимъ такую замѣтку: „глаголется въ дѣяніи апостольскихъ отъ Моисеова умертвія до Самоила пророка лѣтъ ун (450), обрящемъ же излише

[1]) Вѣстникъ Европы 1891 г., августъ, 743.

[2]) Палея № 207 Румянцевскаго Музея, л. 208, въ „Описаніи" Востокова стр. 421.

по (сему) лѣтописцу лѣтъ о (70), а по библіи излише ч (90) лѣтъ. сіе не апостольское писаніе погрѣши, но преписующаго погрѣшеніе бысть; егда у тверда (т) едина чертица сотрется, то нѣсть разумѣти, твердо (т) ли было или покой (п); такоже и верхняя черта у покоя (п) сотрется, невѣдомо есть, покой (п) ли былъ или иже (и)". Погрѣшенія „преписующихъ" при старинномъ обозначеніи чиселъ буквами славянскаго алфавита встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ при позднѣйшемъ обозначеніи чиселъ (какъ нынѣ) арабскими цифрами. Кромѣ указаннаго въ Палеѣ случая, славянскую, напр., букву д (соотвѣтствующую арабской цифрѣ 4), если только при скоромъ письмѣ двѣ нижнія черточки на концахъ сближаются одна съ другой, весьма легко можно было принять за славянскую букву ѳ (9); равно букву з (7), если нижняя ея половина закруглялась ближе къ верхней на 2—3 точки и концомъ своимъ сближалась съ верхнею половиной, весьма легко можно было принять также за букву ѳ. Такимъ сходствомъ въ начертаніи славянскихъ буквъ и можетъ быть объяснена, указанная нами выше, разность въ показаніяхъ старинныхъ вятскихъ синодиковъ то 4 тысячъ, то 7, то 9 тысячъ устюжанъ убіенныхъ съ Анфаломъ. Но, разумѣется, могли происходить, „погрѣшенія преписующихъ", ошибки и описки, отъ сходства въ начертаніи и другихъ буквъ славянскаго алфавита, обозначающихъ числа. Изъ очень многихъ, извѣстныхъ намъ, хронологическихъ погрѣшеній этого рода, отмѣтимъ напр. ошибку въ рукописномъ житіи св. Ѳеодора Ярославскаго [1]): тамъ сказано, что „въ лѣто 6770 (1262) епископъ Ростовскій Трифонъ, слышавъ чудеса и исцѣленія многа во градѣ Ярославлѣ отъ гроба чудотворецъ князя Ѳеодора Ростиславича и сыновъ его Давида и Константина, не вѣрова чудесемъ ихъ быти". Но св. князь Ѳеодоръ Ростиславичъ, по лѣтописямъ, скончался 6807 (1299) года, а Трифонъ былъ архіепископомъ Ростовскимъ въ 6970—6975 (1462—1467) годахъ; въ житіи стало-быть оказалась, происшедшая

[1]) Напечатано въ Ярославскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1875 года, № 37, с. 304.

отъ описки, очевидная ошибка на два столѣтія: нужно было написать, что „Трифонъ невѣрова въ лѣто 6970“ (1462), а не 6770 (1262), что подтверждается и лѣтописью [1]). Въ концѣ завѣщанія преп. Лазаря Мурманскаго сказано, что онъ „преставися въ лѣто 6699“ (1191); но въ самомъ завѣщаніи говорится, что преп. Лазарь жилъ при новгородскихъ архіепископахъ Василіи (въ 1331—1352 гг.) и потомъ при Моисеѣ (бывшемъ архіепископомъ сначала въ 1326—1330 гг., во второй разъ въ 1352—1359 гг.); поэтому и преосв. Амвросій Орнатскій [2]) и Филаретъ Черниговскій [3]) замѣчаютъ, что тутъ описка, что слѣдовало въ концѣ завѣщанія поставить годъ 6899 (1391). Въ началѣ сказанія, составленнаго по позднѣйшимъ преданіямъ въ XVII в., „о явленіи мощей преп. братій нарицаемыхъ Алфановыхъ“ [4]) это явленіе отнесено къ 6670 (1162) году; но далѣе въ томъ же сказаніи говорится, что братія Алфановы были обрѣтены у алтаря Николаевской церкви въ Сокольницкомъ монастырѣ, который, по соображенію преосв. Филарета, они и основали; а по лѣтописямъ [5]) „поставиша на Сокольи горѣ церковь древяну св. Николы и монастырь устроиша въ лѣто 6897“ (1389), почему преосв. Филаретъ естественно заключаетъ, что явленіе мощей братій Алфановыхъ нужно относить не ранѣе, какъ къ концу XIV вѣка, ко времени послѣ построенія Сокольницкаго монастыря [6]). Составитель „Нижегородскаго лѣтописца“ выбиралъ относящіяся къ Нижнему извѣстія изъ болѣе древнихъ лѣтописныхъ сводовъ, гдѣ извѣстіе о нападеніи на Нижній Арапши (Арабъ-шаха) записано подъ 6885 годомъ; но въ одномъ изъ своихъ источниковъ предпослѣднюю букву п (80), можетъ быть написанную неотчетливо, онъ принялъ за букву

---

[1]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, VI, 185—187.

[2]) Исторія Росс. Іерархіи, V, 129.

[3]) Житія святыхъ, т. III, прим. 104.

[4]) Рукопись Румянцевскаго музея въ „Описаніи“ Востокова № 158. Рукопись Ундольскаго № 1039.

[5]) Полное собр. русскихъ лѣтописей, III, 232; IV, 29, 97; VI, 285.

[6]) Житія святыхъ, преосв. Филарета Черниговскаго, т. VI, подъ 17 іюня.

к (20), а въ другомъ источникѣ не разобралъ послѣднихъ двухъ буквъ (н е); и вотъ теперь въ семи спискахъ „Нижегородскаго лѣтописца“ извѣстіе о нападеніи Арапши на Нижній мы находимъ записаннымъ дважды—въ первый разъ подъ 6825 годомъ согласно во всѣхъ семи спискахъ, а во второй разъ въ одномъ спискѣ подъ 6876, въ другомъ подъ 6878, въ третьемъ и четвертомъ подъ 6873 годами [1]). Сюда же приходится отнести, оказавшуюся въ одномъ изъ списковъ „Повѣсти о явленіи образа свят. Николая при р. Великой“, ошибку въ обозначеніи времени перваго похода въ Москву изъ Хлынова съ этимъ образомъ. Въ Вятскомъ каѳедральномъ соборѣ хранятся двѣ рукописи съ названной „Повѣстью“, одна написанная въ концѣ XVII вѣка при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ, а другая—въ царствованіе Елизаветы Петровны, обѣ сходныя между собою. Писавшій позднѣйшую рукопись не обратилъ вниманія на то, что въ рукописи, съ которой онъ списывалъ, при датѣ грамоты Грознаго съ повелѣніемъ принести образъ свят. Николая въ Москву, обозначенной славянскими буквами *земля* и *кси* (7060), надъ буквой *кси* написана была еще буква г (3), и такимъ образомъ въ своей (позднѣйшей) рукописи обозначилъ дату только двумя буквами *земля* и *кси* (7060), а не тремя—*земля*, *кси* и *глаголь* (7063), какъ бы слѣдовало. И вышло по показанію позднѣйшей рукописи, что и грамота Грознаго послана на Вятку, и походъ съ иконою въ Москву изъ Хлынова совершенъ чрезъ Казань не въ 7063 (1555) году, когда такой походъ былъ возможенъ и дѣйствительно былъ, а въ 7060 (1552) году, когда именно шла ожесточенная борьба съ татарами подъ Казанью, и такой походъ по рр. Вяткѣ, Камѣ и Волгѣ былъ невозможенъ. Это ошибочное показаніе позднѣйшей каѳедральной рукописи принялъ на вѣру покойный протоіерей С. Н. Кашменскій въ своей статьѣ о Великорѣцкой иконѣ [2]); а въ 1880 году, по хранящейся въ селѣ Велико-

---

[1]) Нижегородскій лѣтописецъ, изд. А. С. Гацискимъ, 1886 г., 5 и 12.

[2]) Въ Вятскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1875 г., № 10, с. 319.

рѣцкомъ копіи съ позднѣйшей Елизаветинскаго времени) каѳедральной рукописи, „Повѣсть“ съ датою 7060 г. о первомъ походѣ въ Москву (на стр. 22) была напечатана Великорѣцкимъ церковно-приходскимъ попечительствомъ, и теперь въ многочисленныхъ компиляціяхъ повторяется [1], что въ первый разъ Великорѣцкій образъ принесенъ былъ въ Москву черезъ Казань въ 1552 году, какъ будто татары въ этомъ году могли пропустить икону мимо Казани и не захватить въ плѣнъ ее сопровождавшихъ. При этомъ компиляторамъ, и не думающимъ наводить справки въ первоисточникахъ, остается неизвѣстнымъ, что въ болѣе древней, чѣмъ каѳедральныя рукописныя „Повѣсти“, и болѣе ихъ достовѣрной рукописной „Повѣсти о явленіи чудотворнаго образа Великорѣцкаго“, хранящейся въ патріаршей библіотекѣ [2]), годъ перваго пришествія этого образа въ Москву показанъ 7063 (1555); что тотъ же 7063 годъ пришествія въ Москву образа показанъ въ Псковской лѣтописи [3]) и (что достовѣрнѣе) въ Никоновской [4]), въ которой, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ 7063 года, описывается подробно встрѣча Великорѣцкой иконы Грознымъ и всей Москвой „29 іюня, въ субботу, въ день св. Апостолъ Петра и Павла“ именно 7063 (1555) года.—Совершенно обратная ошибка въ хронологической датѣ оказалась у извѣстнаго историка кн. Щербатова: въ концѣ рукописнаго „Посланія митр. Макарія къ благовѣрному царю Іоанну Васильевичу“ о укрѣпленіи на брань съ татарами, отправленнаго во время послѣдняго похода подъ Казань, была прописана дата „писано въ Москвѣ, іюля въ 13 день, въ лѣто 7060-е“, а Щербатовъ принялъ послѣднюю букву е за цифру и прочиталъ „въ лѣто 7065“ (1557), да такъ и напечаталъ эту дату въ изданной имъ „Царственной

---

[1]) Напр. въ статьѣ о Великорѣцкомъ образѣ, И. Левашева, въ Прибавленіяхъ къ Церковнымъ Вѣдомостямъ 1894 г., № 4, с. 107—110, въ Вятскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1903 г., № 9, с. 380 и др.

[2]) Рукопись, по каталогу архим. Саввы, № 410.

[3]) Псковская лѣтопись, изд. Погодина, 193.

[4]) Никоновская, т. VII, подъ 7063 годомъ, стр. 237—238.

книгѣ“ и въ своей „Исторіи“ [1]), при чемъ у князя—историка вышло, что ободряющее царя на брань посланіе митрополита было писано уже спустя пять лѣтъ послѣ окончанія брани и взятія Казани...

Послѣ всего сказаннаго выше пусть судятъ сами читатели о томъ, какая требуется отъ правдиваго историческаго изслѣдователя осторожность и разборчивость при чтеніи лѣтописей и даже сказаній о святыхъ и святыняхъ, а особенно хронологическихъ въ нихъ показаній, не говоря уже о хронологическихъ датахъ въ сомнительныхъ сказаніяхъ о преданіяхъ и по преданію, въ которыхъ, по мѣткому замѣчанію преосв. Филарета, годы считаютъ и прописываютъ позднѣйшіе книжники. Но ко всему этому необходимо еще прибавить, что вдвойнѣ нужнѣе для изслѣдователя осторожность и разборчивость при чтеніи и обслѣдованіи хронологическихъ показаній объ основаніи и построеніи старинныхъ городовъ и другихъ поселеній, даже монастырей. Тутъ историкъ встрѣчается съ затрудненіями особаго рода. Преосв. Порфирій Успенскій, прекрасно изучившій Аѳонъ и его исторію, съ рѣшительностію говоритъ о стремленіи тамошнихъ монастырей выдавать себя болѣе древними, нежели они были на самомъ дѣлѣ. „Знаменитая лавра Аѳонская, эта мать всѣхъ тамошнихъ обителей, затмѣвала остальныя своимъ первенствомъ. А затмѣніе никому не любо, да и невыгодно. И вотъ монастыри Ксиропотамъ и Есфигменъ возобновили молву, что они построены еще царицей Пульхеріей († 452 г.), гораздо раньше этой лавры. Ватопедъ и Костамонитъ выбрали себѣ въ ктиторы Константина Великаго. Каракаллъ зашелъ еще далѣе: онъ припомнилъ римскаго императора Каракалла и провозгласилъ его своимъ строителемъ, не справляясь, что онъ былъ язычникъ. Сосѣдній съ Иверомъ монастырь Филоѳеевскій зашелъ еще далѣе: онъ объявилъ, что на мѣстѣ его стояла епископія, основанная

[1]) „Царственная книга, т. е. Лѣтописецъ царствованія царя Іоанна Васильевича“, Спб. 1769 г., стр. 248. - „Исторія Россійская отъ древн. временъ“ кн. Щербатова, V, 546.

Богоматерью. Другіе тамошніе монастыри сочинили грамоты и повѣсти, которыхъ поддѣльность обличается актами". Точно также и въ Молдавіи въ XVII вѣкѣ, одинъ игуменъ Быстрическаго монастыря, грекъ, былъ недоволенъ подчиненіемъ этого монастыря Нямецкому и уговорилъ одного искуснаго въ этомъ дѣлѣ монаха поддѣлать одну изъ грамотъ XVI вѣка: монахъ досталъ подлинную пергаменную грамоту XVI вѣка, вычистилъ изъ нея слова древнія, и помѣстилъ на ихъ мѣсто другія, именно—будто господарь Стефанъ Великій, во время посѣщенія Быстрическаго монастыря, спросилъ: „Кому подчиненъ монастырь"? Монахи отвѣчали: „Нямецкому". Тогда господарь спросилъ: „А какая тамъ икона"?—„Богородицы".—„А у васъ"?—„Анны Пророчицы".—„Какъ же это возможно, чтобы дочь была старше матери! Вѣдь св. Анна—мать Богородицы, слѣдовательно и Нямецкій монастырь долженъ (согласно старинной юридической практикѣ Молдавіи) подчиняться Быстрическому". И вотъ, благодаря поддѣльной грамотѣ, Нямецкій монастырь на нѣкоторое время долженъ былъ подчиняться Быстрическому [1]). Большая часть нашихъ русскихъ „повѣствователей" XVI—XVII в., можно сказать, были „уязвлены" желаніемъ выставить свое отечество, свою родину, свой городъ какъ можно болѣе древними, особенно послѣ ознакомленія съ хрониками польскими. Тамъ еще Кадлубекъ въ XIII вѣкѣ, на основаніи яко-бы „Книги писемъ Александра" (Македонскаго), писалъ, что славяне воевали съ Александромъ Македонскимъ; а послѣ того какъ въ одной чешской хроникѣ (1437 г.) оказалась и „грамота Александра славянамъ", эта грамота перешла и въ польскія хроники Бѣльскаго и Стрыйковскаго, а отсюда и въ Россію и является въ Кіевскомъ Синопсисѣ [2]). По польскимъ хроникамъ и у насъ составляются компиля-

---

[1]) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1903 г., октябрь, 384—385.- Разсказано по документамъ, бывшимъ въ рукахъ преосв. Паркиза Крецулеску, занимающагося и нынѣ въ Нямецкомъ монастырѣ исторіей румынскихъ монастырей.

[2]) Первольфъ: „Славяне", т. II, 33, 438.

ціи [1]), по которымъ славянскій народъ выводится отъ Мосоха, сына Аѳетова, участвуетъ въ троянской войнѣ, получаетъ грамоту отъ Александра Великаго „во второенадесять лѣто его панованія", раззоряетъ Римъ и т. п. Въ одной такой, довольно оригинальной, русской попыткѣ по образцу польскихъ хроникъ, но независимо отъ нихъ, „сочинить" первобытную исторію русскихъ славянъ [2]), опредѣлительно и точно указывается, что „въ лѣто отъ сотворенія свѣта 2344" Ной благословилъ Аѳета „изліятися на западныя и сѣверныя страны даже до полунощія", что „правнуцы Аѳетовы Скифъ и Зарданъ отлучишася отъ братіи своея и вселишася во Евксинопонтѣ", а потомки Скиѳа Словенъ и Русъ „въ лѣто отъ Адама 3099 отлучишася отъ Евксинопонта, 14 лѣтъ пустыя страны обхожаху, дондеже на рѣцѣ зовомой тогда Мутная, послѣди же Волховъ, поставиша градъ Словенскъ Великій". При этомъ, для вящшей достовѣрности, приводится и подсчетъ годовъ до основанія этого города: „отъ созданія міра до потопа 2242 лѣта, отъ потопа до раздѣленія языкъ 530 лѣтъ, а отъ раздѣленія языкъ до начала Великаго Словенска, иже нынѣ Великій Новгородъ, 327 лѣтъ, а всѣхъ лѣтъ отъ сотворенія свѣта до начала Словенска Великаго 3099 лѣтъ" [3]). Въ другой статьѣ, „выписанной изъ дву кроникъ полскихъ, которые (яко-бы) свидѣтельствованы з греческою и з чешскою и с угорскою кроникой многими списатели" [4]), уже „давный Халдейскій философъ Беросусъ и потомъ мнози древніи философы, истинно увѣряся отъ писанія, во всѣхъ кроникахъ описуютъ, яко отъ Мосоха нарицается Москва" [5]).

---

[1]) Анд. Попова „Обзоръ хронографовъ", вып. II, 203—204.

[2]) Подъ заглавіемъ: „Исторія еже о началѣ Русскія земли и о созданіи Новаграда, и откуду влечашеся родъ Словенскихъ князей". По списку Хронографа 1679 года она напечатана въ „Изборникѣ" Анд. Попова, М., 1869 г., 442—447.

[3]) Въ томъ же „Изборникѣ" Анд. Попова, 442—444.

[4]) Подъ заглавіемъ: „Отъ чего имянуется великое Московское государство, и отъ коея повъсти славяне нарекошася и почему Русь прозвася". Напечатана въ томъ же „Изборникѣ", 438—442.

[5]) Не выписываемъ здѣсь басней какъ этой статьи, такъ и помянутой выше „исторіи". Любопытные, помимо (рѣдкаго въ обращеніи)

Полагаясь на польскія хроники, такое же убѣжденіе, что „Москва отъ Мосоха", высказываетъ и составитель Кіевскаго Синопсиса. Подобныя иностранныя и составленныя по образцу иностранныхъ „новинки", замѣчаетъ П. Н. Милюковъ [1]), по появленіи ихъ, „принимались на Руси охотнѣе, чѣмъ простой, но полный пробѣловъ и умолчаній, разсказъ древней русской лѣтописи: новинки вызывали преимущественно интересъ читателей, такъ какъ отвѣчали на вопросы наиболѣе возбуждавшіе ихъ любопытство, а старая русская лѣтопись оставлялась безъ вниманія". И дѣйствительно „Исторія еже о началѣ Русскія земли и созданіи Новаграда", какъ литературная новость, пришлась настолько по вкусу тогдашнихъ чатателей, что ее внесли во многіе списки хронографа, а отсюда она разошлась во множествѣ списковъ по разнымъ историческимъ Сборникамъ и Цвѣтникамъ, попала даже, по указанію Татищева, въ новгородскій списокъ Степенной книги; а Синопсисъ, съ такими новинками, въ теченіе шести лѣтъ (1674—1680 гг.) разошелся въ трехъ изданіяхъ [2]). Если и были между читателями сомнѣвающіеся въ выдумкахъ, то, по словамъ Шлецера [3]), и они „воздерживались отъ критики, полагая, что надо-же тутъ быть чему нибудь вѣрному, хотя и находили несообразныя нелѣпости". Успѣхъ такихъ выдумокъ побуждалъ и послѣдующихъ сочинителей (особенно послѣдней четверти XVII вѣка), писавшихъ повѣствованія о мѣстныхъ древнихъ событіяхъ и преданіяхъ, слѣдовать примѣру „выдумщиковъ" (названныхъ впослѣдствіи Шлецеромъ „безстыдными"). Если польскіе хронисты выставляли своихъ предковъ—славянъ и древнѣе и славнѣе другихъ народовъ, потому что славяне происходили отъ Мосоха, получали грамоты отъ самого Великаго Але-

---

„Изборника", могутъ познакомиться съ ними отчасти по Карамзину (I, прим. 70, 91) и Костомарову (въ „Сѣвернор. Народоправствахъ" I, гл. 1).

[1]) Русская Мысль 1893 г., январь, 49.

[2]) Обзоръ хронографовъ, Анд. Попова. II, 205—206.— Синопсисъ съ 1674 года до 1861 года перепечатывался до 25 разъ.

[3]) Шлецера „Несторъ", I, 54.

ксандра и т. п., то и новые повѣствователи, по выраженію Татищева, „боялись быть почтены незаконнорожденными, если не выведутъ своего происхожденія изъ второй книги Моисея“, а потому, по замѣчанію Берха [1]), „уклонясь отъ истинныхъ предѣловъ своихъ повѣствованій, относили происшествія позднѣйшихъ вѣковъ ко временамъ раннимъ“. Чтобы связать исторію своей мѣстности, своего города, съ древними предками „Великаго Словенска“, они то вполнѣ, то въ сокращеніи, вносили сказанія о Великомъ Словенскѣ, о грамотѣ Александра и пр., въ свои повѣствованія: такъ напр. „Исторія еже о началѣ Русскія земли и о созданіи Новаграда“ внесена въ напечатанную Новиковымъ въ XVI томѣ „Россійской Вивліоѳики“—„Исторію государей Россійскихъ“, въ напечатанную въ VII томѣ „Продолженія Россійской Вивліоѳики“ - „Сибирскую лѣтопись вкратцѣ“, въ разныя „исторіи“ и „повѣсти“ рукописныя. Внесена эта „Исторія“ и въ „Повѣсть о странѣ Вятской“, полностію (но подъ другимъ заглавіемъ)—въ списокъ Толстовскій [2]), и въ сокращеніи (заключительною своею частію)- въ другіе извѣстные списки [3]). Поощряемые успѣхомъ „Исторіи“, и новые повѣствователи стали относиться очень свободно какъ къ содержанію, такъ и къ хронологіи своихъ повѣстей. Извѣстный, напр., своимъ сочиненіемъ о началѣ Москвы. іеродіаконъ Холопьяго монастыря на р. Мологѣ Каменевичъ-Рвов-

---

[1]) Берха „Путешествіе въ Чердынь“, 60.

[2]) Именно—подъ заглавіемъ: „Начало Великому Словенску, еже есть нынѣ Великій Новьградъ“.

[3]) Не можемъ здѣсь еще разъ не выразить сожалѣнія, высказаннаго уже 15 лѣтъ тому назадъ (въ Календарѣ Вятской губ. на 1888 г., 181), о томъ, что „Повѣсть о странѣ Вятской“ не напечатана въ полномъ видѣ. Если бы она извѣстна была вятскимъ читателямъ въ полномъ видѣ (по спискамъ—Миллеровскому, Синодальной Библіотеки, а тѣмъ болѣе—Толстовскому), съ *баснословнымъ* разсказомъ въ началѣ о Словенѣ и Русѣ—князьяхъ скиѳскихъ и грамотахъ Александра Великаго славянамъ, то, несомнѣнно, она производила бы совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ теперь, когда извѣстна только въ *урѣзанномъ* видѣ, по изданію въ Казанскомъ Вѣстникѣ 1824 г. Тогда читатели получили бы ясное указаніе и на *время* написанія „Повѣсти“.

скій, замѣчательный „баснописецъ“ конца XVII вѣка—по отзыву Карамзина [1]), такъ писалъ объ основаніи „посадовъ красныхъ на юстіи рѣки Мологи стоящихъ“: „Начальницы оныхъ прекраснѣйшихъ и славнѣйшихъ мѣстъ Усть-Мологскихъ быша жителіе отъ Великаго Словенска, напослѣди переимянованнаго Новагорода: оттуду пришедше посадницы, мѣсто оное возлюбиша, и жительство возградиша, и тако по нѣколицѣхъ лѣтѣхъ распространишася. И прозвася отъ тогда сущихъ новгородскихъ посадниковъ званіемъ Молога—посадъ отъ имяни р. Мологи, текущія въ Танаисъ рѣку великую, широкую и долгую, зовомую Волгою“. Все это писалъ „честной инокъ изъ Холопы монастыря пресловущаго“ не иначе, по его увѣренію, какъ „въ божественныя писанія вницая и царственныя краникари (хроники) прочитая“; а время написанія обозначилъ точно такъ, какъ обозначено время написанія грамоты Александра Македонскаго славянамъ въ „Исторіи еже о началѣ Русскія земли“, именно—„по римску мѣсяца Примоса“ [2])... Въ древнемъ Галицкомъ княжествѣ (Мерскомъ) въ это же время явились „лѣтописцы“, разсказывавшіе „по преданіямъ“ о событіяхъ, о которыхъ нигдѣ не упоминается въ другихъ достовѣрныхъ источникахъ: въ одномъ изъ такихъ галицкихъ лѣтописцевъ уже подъ 1170 годамъ повѣствуется о битвахъ русскихъ съ черемисами подъ городомъ Галичемъ, а подъ 1190 о черемисскомъ князѣ Каѣ [3]); въ другомъ („Лѣтописцѣ Воскресенскаго монастыря что у Соли“), по отзыву ученаго — спеціалиста [4]), „перечисляются такіе галицкіе князья (XIII—XIV в.), какихъ, кромѣ этого лѣтописца и ему подобныхъ произведеній, мы нигдѣ не находимъ; а хронологическія даты, за немногими исключеніями, совершенно произвольны“. По преданіямъ, гдѣ-то записаннымъ, и ураль-

---

[1]) Исторія государства Росс., I, прим. 70, 91; II, прим. 301.

[2]) Библіографическія Записки за 1892 годъ, № 3 (за мартъ.).

[3]) Костромская Старина, вып. III, 20—50.

[4]) Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси, А. В. Экземплярскаго. Спб. 1891 г. т. II. 205.—О галицкихъ преданіяхъ и лѣтописяхъ подробнѣе будетъ сказано въ другой статьѣ.

скіе казаки относятъ начало уральскаго казачества ко временамъ „болѣе раннимъ"—по выраженію Берха, именно— убѣждены, что казаки появились на Уралѣ на двѣсти лѣтъ раньше, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ, какъ доказалъ въ своемъ документальномъ изслѣдованіи г. Витевскій [1]). А болѣе близкіе къ намъ соликамцы, хотя солидный ихъ историкъ относитъ основаніе Соликамска къ XVI вѣку [2]), упорно ссылаются на одну, видѣнную Берхомъ, рукописную запись, относящую приходъ русскихъ въ эту мѣстность ко времени гораздо болѣе раннему, —болѣе чѣмъ на 100 лѣтъ, именно къ 1430 году, когда, по этой записи, посадскіе Калинниковы уже завели солевареніе на р. Боровой [3]), хотя существованіе какихъ бы то ни было посадскихъ въ 1430 году болѣе чѣмъ сомнительно [4]). И вотъ, между тѣмъ какъ о времени основанія Соликамска, Уфы, Бирска, Мензелинска и другихъ еще, гораздо позднѣйшихъ по времени, сосѣдей Хлынова, даются разнорѣчивыя показанія [5]), читатели „Повѣсти о странѣ Вятской", написанной книжникомъ въ концѣ XVII вѣка, находятъ въ ней не какую нибудь неопредѣленную или гадательную, но точно указанную дату о времени основанія Хлынова: „въ лѣто 6682 (1174), во дни великаго князя Ярослава сына Владимірова, отдѣлишася отъ предѣлъ Великаго Новгорода жителіе самовластцы", добрались до р. Вятки и вскорѣ затѣмъ построили Хлыновъ... И такая хро-

---

[1]) Въ Русскомъ Архивѣ 1879 г.

[2]) Пермскія Епарх. Вѣдомости 1875 г., 431.

[3]) Пермская Старина, Димитріева, вып. I, 168.

[4]) Посадскіе люди начинаютъ упоминаться въ актахъ съ XVI вѣка. Русскіе Юридическія Древности, Сергѣевича, 1890 г., I, 282—285.

[5]) Волжскій Вѣстникъ 1899 г., № 208.—Желаніе выставить свой городъ „подревнѣе" другихъ не покидало „сочинителей" даже и въ концѣ XIX вѣка. Солигаличскій корреспондентъ „Казанскаго Биржеваго Листка" въ 1892 году (№ 2) писалъ: „Солигаличъ—городокъ не молодой, насчитывающій себѣ не менѣе полуторы тысячь лѣтъ"; а въ другомъ № (16) того же „Казанскаго Биржеваго Листка" за 1892 годъ г. Гиневскій утверждаетъ, что нашъ Яранскъ построенъ задолго до покоренія Казани Грознымъ. Еще „при московскомъ князѣ", пишетъ онъ, „новгородцы, поселившіеся на берегахъ Унжи, скрылись (отъ это-

нологическая дата и въ двадцатомъ столѣтіи, послѣ подробныхъ разслѣдованій о ней, съ рѣшительными доказательствами ея недостовѣрности, съ которыми согласны солидные ученые историки [1]), все еще признается *безспорною* сочинителемъ предназначаемой для простого народа брошюры, указанной въ началѣ нашей статьи...

Послѣ необходимыхъ предварительныхъ замѣчаній, вынужденныхъ указаннымъ въ началѣ настоящей статьи мотивомъ, обращаемся къ разъясненію вопроса, поставленнаго въ ея заглавіи.

Выше мы привели два разсказа объ одномъ и томъ же событіи—Рычкова и Хитрово, наглядно объясняющіе, какимъ передѣлкамъ и отдѣлкамъ подвергаются преданія въ зависимости отъ личности, характера, образованія разсказчиковъ. Теперь приводимъ еще одно преданіе въ разсказѣ позднѣйшаго писателя—первой половины XIX вѣка, подтверждающемъ нашу мысль объ обычныхъ дополненіяхъ и домыслахъ къ преданіямъ въ устахъ ихъ передатчиковъ. Это—не безизвѣстный въ свое время сочинитель Михаилъ Николаевичъ Макаровъ, помѣщавшій свои небольшія статьи и статейки въ старомъ Вѣстникѣ Европы (1821 и 1826 гг.), въ старыхъ Отечественныхъ Запискахъ (т. IX), въ Московскомъ Телеграфѣ (1833 г.), въ Памятникахъ новой русской исторіи, но чаще въ изданіяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, именно—въ Трудахъ и Лѣтописяхъ Общества (IV, V, VII) и Чтеніяхъ въ Обществѣ (1845—1848).

го князя) на востокѣ, и здѣсь, въ дебряхъ густыхъ и непроходимыхъ лѣсовъ, на крутизнѣ высокаго яра, принялись рубить свой городъ, называвшійся спачала Яръ, потомъ Яранскъ. Управленіе Яранска было вполнѣ вѣчевое: на вѣчѣ рѣшались всѣ общественные вопросы и дѣла, и на вѣчѣ ставились попы по примѣру Вятки" и т. д.

[1]) Указанные въ „Приложеніи къ Вятскимъ Губ. Вѣдомостямъ" 1903 г. № 128. Тутъ не указана еще весьма солидная статья по тому-же вопросу А. А. Спицына, помѣщенная въ №№ 83—87 Вятскихъ Губ. Вѣдомостей 1888 г. и въ Извѣстіяхъ Казанскаго Общества А., И. и Э. за тотъ же годъ.

Помимо сотрудничества въ періодическихъ изданіяхъ, онъ издалъ еще „Описаніе древнихъ русскихъ монетъ", повѣсть „Лиза или истинный братъ" (1802 г.), „Журналъ для милыхъ" на 1804 годъ, переводъ изъ Томсона „Четыре времени года"; но главнымъ образомъ онъ извѣстенъ, какъ собиратель русскихъ преданій и сказаній о преданіяхъ, издавшій „Русскія преданія" и „Повѣсти изъ русскихъ преданій" (1834). Въ 1846 году онъ сдѣлалъ экскурсію въ область исторіи древняго Хлынова, связалъ исторію этого города съ исторіей Московскаго „урочища Хлынова" и „рѣчь преданія" объ этой связи передалъ въ статьѣ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ подъ заглавіемъ:

„Московское урочище Хлыново".

„Вятку покорили и вскорѣ послѣ того заселили подъ Москвою слободу изъ Вятчанъ; ихъ, съ непамятныхъ временъ, называли „хлыновцами", „барышниками", и слѣдовательно, по предубѣжденію о всякомъ торгашѣ-барышникѣ, обманщиками, людьми нехорошими. Строгій начальникъ ихъ былъ князь Ухтомскій—Волкъ [1]. Дочери князя Ухтомскаго иногда заглядывались на проказы хлыновцевъ, и князь, какъ волкъ, не спускалъ этой заглядкѣ: жену и дочерей ласкалъ онъ по своему [2]), а хлыновцевъ *училъ*, и все было смирно!.. Такова рѣчь преданія. Домъ Волка-Ухтомскаго былъ въ слободѣ на Вражкѣ. Съ самаго начала покоренія Вятки, этотъ же князь Ухтомскій, повелѣніемъ вел.-княжимъ, билъ кнутомъ именитыхъ вятичей—Аникіева, Пахомія и Палку. Послѣ онъ ихъ повѣсилъ, и вотъ хлыновцы начали повиноваться Волку-Ухтомскому со страхомъ и трепетомъ... Кнутомъ онъ уморилъ душевную волю новгородскую, а этой волѣ тѣсно уже было и въ Новгородѣ...

Нынѣшнее московское урочище Хлыново явно свидѣтельствуетъ еще о поселеніи хлыновцевъ, объ ихъ свободѣ цыганской, какъ говорятъ ее называли. Тутъ, подъ Овражками, сводилась московская мѣновая конница и, можетъ быть, всегда во вредъ простодушному жителю московскому... На Смоленскомъ

[1]) См. объ этомъ Волкѣ Исторію Государства Россійскаго, VI, прим. 312. М(акаровъ).

[2]) Цѣлая рукописная тетрадь 1772 года, принадлежащая мнѣ. М.

полѣ [3]) бывала пробная скачка. Хлыновцы, мѣняя и продавая, клялись Богомъ и св. угодникомъ чудотворцемъ Николаемъ, предъ его часовнею, на мѣстѣ которой теперь сооружена церковь: „самимъ хлыновцамъ", думалъ народъ московскій, „нельзя вѣрить, но къ ихъ божбамъ, да клятвамъ христіанскимъ, какъ не имѣть вѣры!" Это была та же исторія, которая и до нынѣ читается нашимъ народомъ съ цыганами... Добрый народъ московской [4])!

Городъ Хлыновъ получилъ свое названіе отъ забѣглыхъ въ землю Вятскую новогородцевъ, вѣроятно—или искателей на чужбинѣ добычи, или несчастливцевъ, по обстоятельствамъ, неволею покинувшихъ свою отчизну. И вотъ почему новгородцы почти всегда оставались врагами хлыновскимъ переселенцамъ: завидуя ихъ привольной жизни, они называли ихъ рабами!

Первое населеніе Россіянами Хлынова было въ 1174 году, при князѣ Андреѣ Боголюбскомъ. Первый христіанскій храмъ у хлыновцевъ была церковь св. угодниковъ Бориса и Глѣба. Въ Москвѣ, отъ Хлыновской слободы, во имя тѣхъ же св. праведниковъ, вначалѣ была одна только часовня, на выѣздѣ по дорогѣ въ княженія Можайское и Звѣнигородское. Тутъ и послѣ того стояла еще древняя церковь, нынѣ мѣсто ея, по переулку ведущему отъ Арбатскихъ воротъ къ Кисловкѣ, застроено, но до 1812 года церковь эта служила молельнею для временно приходящихъ въ Москву полковъ. Въ ней совершали литургію полковые священники.

Слобода хлыновцевъ, при князѣ Андреѣ Боголюбскомъ, не составляла и предмѣстій московскихъ: она весьма отдалялась отъ посадовъ и оставалась въ этомъ отдаленіи долго. Очевидно опять, что москвичи опасались допустить бойкое поселеніе хлыновцевъ въ самой Москвѣ. Въ московской слободѣ Хлыновской слабый характеромъ князь Андрей Шуйскій, во время заговора противъ царя Іоанна, собралъ товарищей и при-

---

[3]) Такъ называлось это поле по монастырю Смоленской Богоматери, что нынѣ церковь Өеодора Студійскаго, близъ Никитскихъ воротъ. *М.*

[4]) Исторіографъ упоминаетъ о рѣчкѣ Хлыновицѣ въ И. Г. Р. III, стран. 34 и примѣч. 32. У него же о московскомъ урочищѣ Хлыновѣ т. VIII, примѣч. 16: и о Вяткѣ, какъ о городѣ Хлыновѣ, т. III, стр. 33, примѣч. 32, 33: г. IV примѣч. 327: т. V, стр. 332, примѣч. 367; т. VI, стр. 191, примѣч. 312, и т. XI, примѣч. 194. *М.*

нималъ съ ними присягу въ томъ, чтобъ идти на царя. Но онъ и всѣ товарищи его здѣсь же погибли, какъ измѣнники. Думаютъ, что тотъ крестъ, который на сей разъ цѣловали заблудшіеся, хранился еще во храмѣ и въ прошломъ вѣкѣ. Противники Іоанна затѣяли провозгласать полною царицею Елену Глинскую; хлыновцы имъ были „надежны", но они-то Шуйскому, какъ „хлыновцы", и измѣнили.

Замѣчательно, что въ Хлыновѣ же по образцу Вятичей, ковали желѣзныя стрѣлы, и то, что на самой Вятской землѣ былъ древній городъ (нынѣ село) во имя св. чудотворца Николая названный *Никулицинымъ*. Вотъ и сюда, въ московское Хлыново, перенесено Вятичами имя св. чудотворца Николая, и сперва населенная Вятичами слобода то-же называлась *Никулицею*.

Хлыновцы имѣли и собственныхъ своихъ князей или старшинъ, которые именемъ народа водили переговоры съ Новгородомъ, съ Владиміромъ, съ Тверью, съ Москвою, и, когда нужно тѣмъ или другимъ властямъ, обязывались ставить имъ помощь, впрочемъ весьма рѣдко вѣрную.

Любопытно также, что и во времена Шемяки, почти всѣ тайные переговоры зарождались въ Хлыновѣ. Отсюда были отправляемы тогда, по важнымъ дѣламъ московскимъ, охмѣлѣвшіе отъ угощенія хлыновцевъ, послы Ѳеодоръ Андреевичъ Лужинъ и Ѳеодоръ Товарковъ или Товаровъ. Барышники хлыновскіе смѣялись надъ ними, плутовски передали Василью Темному, что эти послы или „посадятъ его (князя Василья) въ лужу", подъ оврагъ (*провидишь московскій князь лужу, сядешь въ лужу*), или „протоварятъ" (продадутъ). Вятка въ это время едва только покорилась Москвѣ, чему способствовали, кажется, всего болѣе междоусобныя интриги хлыновцевъ".

Макаровъ.

Статейка написана, по-видимому, даже съ нѣкоторымъ ученымъ аппаратомъ: въ ней есть ссылки, и неоднократныя, на Исторію Карамзина, пользовавшуюся тогда въ ученомъ мірѣ, за исключеніемъ немногихъ скептиковъ, незыблемымъ авторитетомъ. Но стоитъ только повнимательнѣе перечитать статейку и указанныя въ ней ссылки на Карамзина, и вы увидите, что авторъ ея не историческій изслѣдователь, а

только диллетантъ въ исторіи, для котораго всего важнѣе въ разсказѣ занимательность и курьезность, а вовсе не историческая точность и правдивость, что предъ вами разсказчикъ анекдотистъ, собирающій въ кучу разныя преданія, безъ разбора ихъ достовѣрности. Вотъ нашъ авторъ ссылается:

а) на III т. Карамзина страницы 33—34 и примѣчанія 32—33. Тутъ Карамзинъ говоритъ о походѣ новгородцевъ на р. Вятку въ 1174 году, о взятіи ими Болванскаго городка въ 1181 году, затѣмъ о взятіи Кокшарова и основаніи Хлынова; а въ примѣчаніяхъ приводитъ выдержки изъ „Повѣсти о странѣ Вятской", послужившія единственнымъ и исключительнымъ источникомъ тысячи компиляцій о событіяхъ яко-бы 1174—1181 гг. на Вяткѣ. Но этотъ разсказъ Карамзина и выдержки изъ „Повѣсти", если и вѣрить ей, не только не подтверждаютъ какую либо „рѣчь преданія" въ разбираемой статейкѣ, но прямо и рѣшительно опровергаютъ выдаваемую статейкой за „рѣчь преданія" басню, будто „слобода хлыновцевъ (т. е. поселенцевъ изъ вятскаго Хлынова) въ Москвѣ, при князѣ Андреѣ Боголюбскомъ, не составляя и предмѣстій московскихъ, весьма отдалялась отъ посадовъ и оставалась въ отдаленіи долго, потому что москвичи опасались допустить бойкое поселеніе хлыновцевъ въ самой Москвѣ". Андрей Боголюбскій, какъ всѣмъ извѣстно, убитъ 29 іюня 1174 года, когда никакого Хлынова и никакихъ „хлыновцевъ" на Вяткѣ (даже и по цитуемой Карамзинымъ „Повѣсти") еще не было, а слѣдовательно не могло и быть какой-то слободы изъ вятскихъ хлыновцевъ въ Москвѣ.

б) Ссылается Макаровъ въ своей статейкѣ на примѣчаніе 327 въ IV томѣ исторіи Карамзина, гдѣ Карамзинъ дѣлаетъ выписки изъ одной лѣтописи о баснословныхъ князьяхъ Галицкихъ XIV вѣка и князѣ Ветлужскомъ или будто-бы и Хлыновскомъ Байбородѣ; но выписки Карамзина, какъ очевидно, не имѣютъ никакого отношенія къ „рѣчамъ преданія" въ статейкѣ Макарова.

в) Въ V томѣ Исторіи Карамзина на стр. 332 и въ примѣчаніи 367, на которыя ссылается Макаровъ, говорится

о походахъ на Вятку съ московскою ратью воеводъ Ряполовскихъ, - безуспѣшномъ въ 1458 году и успѣшномъ въ 1459 году; но и тутъ мы не находимъ и намека на Хлыновскую слободу въ Москвѣ, напр. на выводъ въ нее вятскихъ хлыновцевъ; даже напротивъ у Карамзина говорится, что и въ успѣшномъ походѣ 1459 года московскіе воеводы взяли городки Орловъ, Котельничъ, да „долго стояли подъ Хлыновымъ и удовольствовались данью съ Вятской земли и правомъ располагать ея воинскими силами“.

г) Ссылается Макаровъ на страницу 181 тома VI Исторіи Карамзина и на примѣчаніе въ этомъ томѣ 312, гдѣ говорится о покореніи Вятки Москвой въ 1489 году. Макаровъ рѣшительно утверждаетъ, что „Вятку покорили и вскорѣ послѣ того заселили подъ Москвою слободу изъ вятчанъ, которыхъ съ непамятныхъ временъ называли хлыновцами, барышниками, обманщиками“, что „московскихъ хлыновцевъ училъ князь Ухтомскій-Волкъ, бившій кнутомъ, а потомъ повѣсившій трехъ именитыхъ вятичей“, что „московское урочище Хлыново (въ 1846 году) явно свидѣтельствовало о поселеніи хлыновцевъ (въ слободѣ московской), объ ихъ свободѣ цыганской, ихъ торговыхъ обманахъ“ и т. д. Могли быть, конечно, поселены уведенные съ Вятки въ 1489 году „супротивники“ великаго князя и въ Москвѣ, но о поселеніи ихъ въ особой Хлыновской слободѣ въ Москвѣ, на урочищѣ Хлыновѣ, ихъ обманахъ и свободѣ цыганской, ни въ процетованномъ Макаровымъ, ни въ какомъ либо другомъ мѣстѣ Исторіи Карамзина мы не находимъ ни слова. Напротивъ, на основаніи согласныхъ показаній лѣтописей, Карамзинъ тутъ же опредѣленно указываетъ, куда „дѣвали“ выведенныхъ въ Москву вятчанъ въ 1489 году: покоритель Вятки зналъ, гдѣ эти „кровопитые“ сведенцы пригоднѣе и нужнѣе, и разселилъ ихъ по аванпостамъ тогдашней оборонительной линіи отъ набѣговъ татаръ, именно—на рѣкѣ Лужѣ, впадающей въ Протву,—въ Кременскѣ [1]), на рѣкѣ Протвѣ, впадающей

---

[1]) Кременскъ—бывшій городъ, нынѣ село Калужской губ., въ 15 верстахъ къ сѣверу отъ г. Медыни. Описанъ въ „Переписной книгѣ

въ Оку, въ Боровскѣ, и на рѣкѣ Окѣ—въ Алексинѣ: только людей торговыхъ изъ этихъ вятскихъ сведенцовъ онъ поселилъ подальше отъ указанной оборонительной линіи въ Дмитровѣ. Точно также ничего не сказано у Карамзина о томъ, что Ухтомскій-Волкъ, живя „въ слободѣ на Вражкѣ“, училъ будто бы московскихъ хлыновцевъ, билъ кнутомъ и повѣсилъ трехъ бывшихъ главарей враждебной Москвѣ партіи на Вяткѣ. Въ выпискѣ изъ Архангелогородского лѣтописца, помѣщенной въ цитованномъ Макаровымъ примѣчаніи 312 къ VI тому Исторіи Карамзина, сказано только, что, когда въ 1489 году московскіе воеводы „на Семень день развели всю Вятку“ и повели сведенцовъ вятскихъ по дорогѣ на Устюгъ, то „приставы у нихъ были князь Иванъ-Волкъ Ухтомскій съ товарищи“, а въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ названы и эти товарищи. Всѣ „интересныя“ подробности о Хлыновской слободѣ въ Москвѣ, о дѣяніяхъ въ ней надъ хлыновцами Ухтомскаго, о ласкаемыхъ имъ дочеряхъ, заглядывавшихся будто-бы на хлыновцевъ, все это въ разсматриваемой нами статейкѣ „дополненія“ самого Макарова.

д) Весьма замѣчательна ссылка Макарова на примѣчаніе 16 въ VIII томѣ Исторіи Карамзина „о московскомъ урочищѣ Хлыновѣ“. Кто только потрудится прочитать внимательно процитованное примѣчаніе Карамзина и „на основаніи“ примѣчанія переданную Макаровымъ „рѣчь преданія“ о кн. Андреѣ Шуйскомъ и измѣнѣ ему хлыновцевъ, тотъ сразу пойметъ, съ какой свободою фантазіи и пера нашъ авторъ составлялъ „дополнительные“ комментаріи къ Исто-

---

Д. Волынскаго 7154 г.“, № 1143, хранящейся въ Московскомъ Главн. Архивѣ Министерства Юстиціи. Въ немъ стоялъ вел. князь Иванъ въ 1480 г., между тѣмъ какъ рать его охраняла р. Угру отъ хана Ахмата. Объ охранительной линіи по рр. Угрѣ, Протвѣ, Лужѣ, говоритъ подробно С. Ѳ. Платоновъ въ Журналѣ М. Н. П. 1898 г., мартъ, 81—85. Составитель „Свода лѣтописныхъ извѣстій о Вятскомъ краѣ“ указываетъ, какъ на мѣсто поселенія вятскихъ сведенцовъ, на Кременецъ Волынской губ., но видимо считаетъ это указаніе сомнительнымъ и потому предполагаетъ (напрасно), что вмѣсто „Кременецъ“ надобно, вѣроятно, читать „Городецъ“ (Тверской губ.).

ріи Карамзина. Въ примѣчаніи 16 приведено извѣстіе изъ Синодальной лѣтописи о томъ, что въ малолѣтство Грознаго и правленіе матери его Елены, въ 1537 году, нѣкоторые „воеводы даша клятву князю Андрею“ Ивановичу Старицкому, младшему дядѣ малолѣтнаго великаго князя, стоять за него, князя Андрея, противъ малолѣтнаго великаго князя и Елены, что одинъ изъ сторонниковъ князя Андрея—князь Иванъ-Шахъ Чернятинской, также давшій клятву, „убояся поиманья (посланной Еленою ратью), у посаду у Москвы, противъ Хлынова, нача складовати съ собя крестное цѣлованіе“. Словъ „противъ Хлынова“ было достаточно для нашего автора, чтобы записать „преданіе“ о томъ, что „въ Московской Хлыновской слободѣ присягали въ томъ, чтобы идти на царя“, что „хлыновцы были надежны заговорщикамъ, но, какъ хлыновцы, измѣнили“. Но не это еще главное въ „рѣчи преданія“: нашъ авторъ смѣшалъ князя Андрея Ивановича Старицкаго, крестное цѣлованіе которому „нача слагати противъ Хлынова“ Шахъ-Чернятинской (по Синодальной лѣтописи), съ княземъ Андреемъ Михайловичемъ Шуйскимъ, который въ первые же дни правленія Елены, 4—11 декабря 1533 года, былъ заподозрѣнъ въ заговорѣ въ пользу князя Юрія Ивановича Дмитровскаго, старшаго брата Андрея Ивановича Старицкаго и старшаго дяди малолѣтнаго великаго князя. Заговоръ 1533 года былъ направленъ противъ Елены, и Юрій Ивановичъ, спустя недѣлю по смерти своего брата—великаго князя Василія Ивановича, какъ *возможный* претендентъ на великокняжескій престолъ, былъ лишенъ Еленою свободы, а его сторонникъ—князь Андрей Михайловичъ Шуйскій во все время правленія Елены содержался въ заточеніи. И вотъ этому-то Андрею Шуйскому приписываетъ нашъ авторъ „затѣю провозгласить полною царицею Елену Глинскую“, какъ будто она не пользовалась тогда полною властію... Надобно прибавить еще, что Андрей Шуйскій, „слабый характеромъ“ по отзыву нашего автора, не только не „погибъ въ московской слободѣ Хлыновской“ (какъ пишетъ тотъ же авторъ), но былъ осво-

божденъ изъ заточенія по смерти Елены, а потомъ „аки свирѣпый левъ“, по выраженію Псковской лѣтописи, терзалъ и угнеталъ жителей Пскова, когда былъ здѣсь намѣстникомъ [1]).

Къ „дополнительнымъ комментаріямъ“ въ разсматриваемой нами статейкѣ приходится отнести утвержденіе ея автора о переговорахъ, которые будто бы вятскіе хлыновскіе „князья или старшины водили именемъ народа съ Новгородомъ, Владиміромъ, Тверью, Москвой, обязываясь ставить имъ помощь когда нужно“, утвержденіе о покореніи Вятки „во времена Шемяки“, о „зарождавшихся во времена же Шемяки тайныхъ переговорахъ въ московскомъ Хлыновѣ“, откуда будто бы „были отправляемы охмелѣвшіе отъ угощенія хлыновцевъ послы Ѳеодоръ Лужинъ и Ѳеодоръ Товарковъ, посадившіе въ лужу и протоварившіе Московскаго князя“. Достовѣрная исторія ничего не говоритъ какъ о вятскихъ, такъ и московскихъ переговорахъ: она знаетъ только, что Вятка въ первый разъ покорена Москвой въ 1459 году, уже по смерти Шемяки († 1453 г.), что Ѳеодоръ Андреевичъ Лужъ и Ѳеодоръ Товарковъ были посланы Василіемъ Темнымъ для переговоровъ о мирѣ въ 1433 году не къ Шемякѣ, а къ отцу Шемяки—дядѣ Темнаго Юрію Димитріевичу Галицкому, что пьяны были не послы, встрѣтившіе Юрія у Троицы съ большимъ войскомъ шедшаго къ Москвѣ пропротивъ Темнаго, а московскіе купцы и другіе немногіе люди, которыхъ едва успѣлъ Темный наускорѣ собрать въ Москвѣ для отпора дядѣ, и которые упивались медомъ не въ Хлыновѣ—въ Москвѣ, а въ 20 верстахъ отъ Москвы—на берегахъ Клязьмы [2]).

Остается замѣтить, что въ Москвѣ на Хлыновѣ (какъ

---

1) Полное Собраніе Р. Лѣтописей III, 199; IV, 298—299; VIII, 286; IV, 304.—Царственная книга 35—36, 63-73.—Никоновская, VII, 1, 12—18. Исторія Россіи, Соловьева, II, 3—6.—Русская Исторія, Бестужева-Рюмина, II, 197—199.

2) Полное Собр. Р. Лѣтописей, VIII, 97.—Никоновская, V, 113—114.—Соловьева, I, 1056.—Арцыбашева „Повѣствованіе о Россіи“, II 182, прим. 1283.

*

обозначалось въ актахъ XVII—XVIII в., а не въ Хлыновѣ), въ Никитскомъ сорокѣ, близь Никитской улицы, находилась въ указанное сейчасъ время и нынѣ находится церковь „Введенія Пресв. Богородицы съ предѣломъ Чудотворца Николы“, что гораздо ближе этой церкви къ Смоленскому полю, гдѣ, по словамъ Макарова, „клялись обманщики хлыновцы угодникомъ Николаемъ“, стояли „церковь Николая Чудотворца на Арбатѣ съ предѣломъ Тихона Чудотворца, у Арбатскихъ воротъ“, называвшихся потомъ 1678 г.) „Смоленскими“, да еще другая церковь „Николы Чудотворца явленнаго за Арбатскими, потомъ Смоленскими воротами“ [1]. Церковь же Бориса и Глѣба на Арбатѣ, устроенная, по Макарову, будто бы московскими хлыновцами въ воспоминаніе первой церкви на Вяткѣ—Бориса и Глѣба на Никулицинѣ, построена въ 1527 году великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ [2].

Статейка Макарова была въ свое время принята на Вяткѣ съ уваженіемъ: ее тотчасъ же перепечатали въ Вятскихъ Губ. Вѣдомостяхъ, а Васильевъ и Бехтеревъ, руководясь ея указаніями, внесли въ свою „Исторію Вятскаго края“ извѣстіе, что въ Москвѣ „Хлыновская слобода населена была вятчанами“.

Нельзя однакоже не сказать, что самая одинаковость названій „Хлыновъ“ и „Хлыново“ располагала, можно сказать—наталкивала на мысль, что одно изъ этихъ поселеній—выселокъ изъ другого; а при господствовавшемъ въ нашей исторической литературѣ почти въ теченіи цѣлаго вѣка мнѣніи „о древности Вятки“, объ основаніи Хлынова на Вяткѣ въ XII вѣкѣ, естественно было думать, что московское Хлыново заселено было переселенцами изъ вятскаго Хлынова.

Но если и такъ,—если вятскіе хлыновцы переселились или были переселены въ московское Хлыново, то когда же,—въ какое именно время состоялось это переселеніе?

---

[1]) Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики московскихъ церквей, собранные Холмогоровыми. М. 1884 г., 428—429, 437—438, 607—608.—Историческое извѣстіе о всѣхъ церквахъ Москвы и Петербурга, 1848 г.

[2]) Полное Собр. Р. Лѣтописей, VIII, 272.—Типографская лѣт., 354.

Оставляемъ безъ вниманія Макаровскую „рѣчь преданія“, будто московское Хлыново было заселено вятскими хлыновцами еще при Андреѣ Боголюбскомъ: это баснословіе достаточно разъяснено выше. Но не переселялись ли въ Москву хлыновцы въ XIII—XIV вѣкахъ?

Тутъ мы подходимъ къ вопросу о заселеніи самой Вятки новгородцами въ XII вѣкѣ. Это—самый капитальный вопросъ въ исторіи Вятки, отъ разрѣшенія котораго въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ зависитъ разъясненіе всей начальной вятской исторіи, которой, по выраженію Костомарова, „нѣтъ ничего темнѣе въ русской исторіи“.

Долго-долго и очень устойчиво въ средѣ нашихъ историковъ держалась увѣренность „въ древности Вятки“: безъ колебаній и сомнѣній писали, даже и въ учебникахъ, что Хлыновъ и Котельничъ, какъ русскіе города, существовали уже въ XII вѣкѣ. Но назадъ тому лѣтъ шестнадцать на одномъ изъ Археологическихъ Съѣздовъ было высказано, и довольно рѣшительно, сомнѣніе въ достовѣрности такого общепринятаго мнѣнія, и это сомнѣніе было основано на аргументахъ, которые не встрѣтили возраженій ни въ средѣ ученыхъ Съѣзда, ни въ послѣдующей печати [1]).

Сомнѣніе прежде всего опиралось на то, что общепринятое мнѣніе единственно и исключительно утверждается на показаніяхъ „Повѣсти о странѣ Вятской“, которыя дотолѣ принимались на вѣру безъ достаточно осторожной критики, между тѣмъ какъ сама „Повѣсть“ даетъ рѣшительные

---

[1]) Чтобы не повторять этихъ аргументовъ, указываемъ здѣсь, что они напечатаны: а) въ „Трудахъ“ VII Археологическаго Съѣзда въ Ярославлѣ въ 1887 г.“ (I. 104—134); б) въ Календарѣ Вятской губ. на 1888 годъ (155—198); в) въ отдѣльной брошюрѣ, изданной Вятскимъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1888 г. подъ заглавіемъ: „Заселена-ли была Вятка новгородскими выходцами въ XII вѣкѣ? Насколько достовѣрны показанія Повѣсти о странѣ Вятской“? (1—46); г) въ Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1888 г. (126—137, 165—181, 208—223, 238—252). Отдѣльныя брошюры и Епарх. Вѣдомости можно найти въ Публичной и Епархіальной библіотекахъ, а послѣднія кромѣ того въ библіотекахъ почти всѣхъ церквей Вятской епархіи.

поводы къ сомнѣніямъ въ достовѣрности многихъ ея показаній, особенно — хронологическихъ.

Когда Свят. Синодомъ потребованы были въ 1721 году свѣдѣнія изъ епархій о мѣстныхъ лѣтописцахъ, то изъ Хлынова послѣдовалъ отвѣтъ, что такихъ лѣтописцевъ здѣсь нѣтъ [1]; а когда въ 1725 году былъ полученъ на Вяткѣ указъ изъ Герольдмейстерской Конторы съ требованіемъ отвѣта на вопросъ, „когда поставлены города Вятской провинціи“, то изъ Хлынова писали: „въ земской избѣ о томъ извѣстія не имѣется“; такіе же отвѣты были получены изъ Котельнича, Кайгородка, Слободского и Шестакова, причемъ послѣдніе два города заявляли, что „сколь давно построены, безъ лѣтописи знать не по чему“; только орловцы объявили огуломъ, что ихъ „городокъ построенъ тому будетъ напримѣръ годовъ сотъ пять“ [2]. Но въ 1739 году однимъ изъ геодезистовъ, которымъ поручено было В. Н. Татищевымъ собираніе историческихъ и лѣтописныхъ извѣстій объ описываемыхъ ими городахъ, былъ добытъ въ Хлыновѣ списокъ „Повѣсти о странѣ Вятской“: этотъ списокъ геодезистъ Клешнинъ переслалъ изъ Хлынова, подъ заглавіемъ „Лѣтопись о странѣ Вятской“, къ географу Пестрикову въ въ Казань, а Пестриковъ доставилъ въ Оренбургъ „къ географическимъ дѣламъ“, откуда списокъ попалъ въ портфель исторіографа Миллера. Вѣроятно этимъ спискомъ пользовался и Н. П. Рычковъ, который прежде всѣхъ заговорилъ о нашей „Повѣсти“ въ печати, передавъ ее въ краткомъ, но близкомъ, изложеніи [3]. Черезъ три года сынъ Рычкова, какъ мы уже разсказали выше, нашелъ въ Хлыновѣ и другой списокъ и по этому списку, съ своими „супплементами“, помѣстилъ статью „О древности города Хлынова и всей Вятской страны“ въ своихъ Дневныхъ Запискахъ. Когда „Повѣсть“ уже проникла и въ печать, въ 1778 году, по случаю требованія Свят. Синодомъ свѣдѣній и описей о мѣстныхъ

---

[1]) Описаніе документовъ и дѣлъ архива Св. Синода. т. I, 708.

[2]) Дѣло архива Вятскаго Губернскаго Правленія. 1725 г., № 54.

[3]) Въ прибавленіи къ „Опыту Казанской Исторіи“, 1767 г.

лѣтописцахъ [1], каѳедральный протоіерей Лука Юферевъ извѣстный владѣлецъ Вятскаго Временника „подалъ въ консисторію собственный лѣтописецъ“ —Повѣсть о странѣ Вятской, съ которой копія была отправлена въ Св. Синодъ въ томъ же 1778 году, а черезъ четыре года другая копія была послана, чрезъ Вятское намѣстническое правленіе, „въ учрежденную при Академіи Наукъ комиссію для историческаго и географическаго описанія всей Россійской имперіи“. Затѣмъ „Повѣсть“ попала еще въ большую честь, когда изъ нея, въ изложеніи сына—Рычкова, какъ мы уже разсказали раньше, была сдѣлана въ Щекатовскомъ Словарѣ перепечатка „о древности города Хлынова и всей Вятской страны“. Въ рукахъ Вечтомова оказалось уже нѣсколько позднѣйшихъ списковъ „Повѣсти“, но онъ „не нашелъ въ нихъ противорѣчій одного другому“, и хотя находилъ, что „Повѣсть по малосмышленности и безсвязности писана простякомъ“, за недостаткомъ другихъ источниковъ, сталъ излагать начальную исторію русской Вятки по „Повѣсти“. Затѣмъ „по Вечтомову“, слѣдовательно и по „Повѣсти“, стали „писать вятскую исторію“ почти всѣ, за двумя—тремя исключеніями, мѣстные „историографы“ XIX вѣка. Вмѣстѣ съ „Исторіей Вятчанъ“, написанной Вечтомовымъ, нѣкоторые списки „Повѣсти“ попали въ руки его преемника—вятскаго педагога В. Я. Баженова, который потомъ въ Казани и напечаталъ текстъ

---

[1]) Указъ Свят. Синода 1778 года предписывалъ „разсмотрѣть самимъ преосвященнымъ архіереямъ въ домахъ архіерейскихъ и въ монастыряхъ по находящимся каталогамъ, не окажется ли гдѣ въ библіотекахъ касающихся до россійской исторіи лѣтописцевъ, примѣчанія достойныхъ и къ изданію въ печать годныхъ, и если гдѣ что окажется, онымъ учиня обстоятельныя описи, прислать въ Свят. Синодъ къ разсмотрѣнію во всякой скорости“. Въ силу сего указа, сказано затѣмъ въ журналѣ консисторіи, „его преосвященство (Лаврентій Барановичъ) въ домѣ своемъ, а въ монастыряхъ по каталогамъ библіотеки разсматривалъ; но по онымъ, кромѣ что Повѣсти о Вятской странѣ не нашлось, а о Вятской странѣ Повѣсть въ Свят. Синодъ послана, съ коей при дѣлѣ оставлена копія“. (Дѣло Д. Консисторіи 1782 г., № 381). Вѣроятно этотъ списокъ „Повѣсти“ и хранится въ Синодальной библіотекѣ подъ № 841.

„Повѣсти" въ мѣстномъ „Казанскомъ Вѣстникѣ", но, какъ приходится сказать еще разъ, безъ баснословнаго начала, подъ новымъ заглавіемъ „Повѣсть о градѣ Вяткѣ" [1]. Списками Баженова пользовался и Н. С. Арцыбашевъ, который, съ полнымъ довѣріемъ къ „Повѣсти", передалъ по ней разсказъ о первоначальномъ заселеніи Вятки русскими въ своемъ „Повѣствованіи о Россіи", да еще съ добавленіемъ найденнаго имъ въ одномъ изъ списковъ извѣстія, будто городокъ, построенный новгородцами на Камѣ въ 1174 году, назывался „Сарапуломъ" [2]...

Но особую своего рода „санкцію" придали „Повѣсти о странѣ Вятской" Карамзинъ и затѣмъ Костомаровъ. Оба они пользовались списками „Повѣсти" XVIII вѣка (первый—Миллеровскимъ, а второй Толстовскимъ) и, хотя замѣтили въ ней грубые анахронизмы, но признали (по крайней мѣрѣ—Карамзинъ) анахронизмы „происшедшими отъ глупыхъ дополнителей" и разсказывали начальную исторію русской Вятки по „Повѣсти". А затѣмъ позднѣйшіе историки и составители учебниковъ по русской исторіи, уже не заглядывая въ „Повѣсть", стали разсказывать начальную исторію Вятки обыкновенно „по Карамзину и Костомарову".

Такимъ образомъ „Повѣсть", появившаяся въ XVIII вѣкѣ и извѣстная только по спискамъ XVIII вѣка (не ранѣе), оказалась единственнымъ первоисточникомъ сказаній о первоначальномъ заселеніи Вятки русскими и ихъ начальномъ на Вяткѣ „жительствѣ". Заслуживалъ ли и заслуживаетъ ли безусловнаго довѣрія этотъ первоисточникъ?

„Повѣсть", при первомъ ознакомленіи съ нею, благодаря своему окончанію, производитъ то же впечатлѣніе, какое произвела на Вечтомова, именно впечатлѣніе письменнаго

---

[1] По этому-то тексту „Казанскаго Вѣстника", перепечатанному въ Вятскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1866 года, и знакомились съ „Повѣстью" мѣстные читатели до 1884 г., когда А. А. Спицынъ внесъ въ „Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Вятскомъ краѣ" значительную часть „Повѣсти", но также безъ баснословнаго начала ея и безъ разсказа ея о явленіи образа свят. Николая на Великой рѣкѣ.

[2] Повѣствованіе о Россіи, т. 1, 225—227.

памятника, составленнаго „малосмышленнымъ простякомъ", но составленнаго „давно". Она заканчивается лѣтописнымъ извѣстіемъ: „въ лѣто 7061 царь Іоаннъ Васильевичъ Казань взялъ и Болгары". Выходитъ какъ будто, что составитель „Повѣсти" положилъ перо вскорѣ послѣ этого событія и ему уже не приходилось вносить въ нее другихъ замѣчательныхъ событій. Быть можетъ, такое впечатлѣніе своимъ окончаніемъ она произвела на Карамзина и Костомарова, почему они и отнеслись къ ней довѣрчиво; по крайней мѣрѣ въ этомъ же смыслѣ составителю настоящей статьи высказывались позднѣйшіе ученые, напр. П. Я. Аристовъ въ 1860 году въ Симбирскѣ, а потомъ А. С. Павловъ и А. П. Щаповъ въ Казани; причемъ послѣдніе, довѣряя показанію „Повѣсти" о древности Вятки, просили—Павловъ „отыскать для него на древней Вяткѣ самую старую кормчую", а Щаповъ—„присылать ему какъ можно болѣе копій съ древнихъ вятскихъ актовъ, купчихъ, закладныхъ и пр. XIII—XIV вѣка, подобныхъ тѣмъ двинскимъ актамъ, какіе описаны Востоковымъ въ „Описаніи Румянцевскаго музея" подъ № LXVII" [1]).

Но, при болѣе внимательномъ ознакомленіи съ „Повѣстью" со стороны мѣстныхъ изслѣдователей, впечатлѣніе „давности" ея постепенно ослаблялось—самою же „повѣстью". Помимо указанныхъ Карамзинымъ, въ ней оказалось не мало еще анахронизмовъ, видимыхъ противорѣчій, разныхъ несообразностей и другихъ неисправностей, а затѣмъ оказалось не мало мѣстъ, которыя сами собой указывали на далеко болѣе позднее противъ предполагаемаго ея происхожденіе и прямо приводили къ заключенію, что „Повѣсть" составлена не ранѣе конца XVII вѣка [2]): такихъ мѣстъ на 17

[1]) Даже въ 1893 г. И. Н. Ждановъ все еще многозначительно замѣчалъ: „нельзя не обратить вниманія на то, что лѣтописныя замѣтки обрываются въ повѣсти о странѣ Вятской въ половинѣ XVI вѣка". (Журналъ Мин. Нар. Пр. 1893 г., октябрь, 312).

[2]) Указаны въ календарѣ Вятской губ. на 1888 годъ (184—188), въ отдѣльномъ изданіи рефератовъ 1887 года Статистическаго Комитета (32—36), въ Вятскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1888 г. (218—223, 238—239), въ статьѣ А. А. Синцына въ Вятскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1888 г. (№ 87)

тощихъ страничкахъ „Повѣсти“ (въ 16-ю долю) одинъ изъ внимательныхъ ея изслѣдователей нашелъ до пятнадцати [1]). Съ того времени (1878 г.), какъ сталъ доступнымъ мѣстнымъ изслѣдователямъ Временникъ, писанный въ самые послѣдніе годы XVII вѣка [2]) рукою хлыновца Семена Попова и его сына, а затѣмъ перешедшій къ протоіерею Лукѣ Юфереву и его наслѣдникамъ, такое позднѣйшее происхожденіе „Повѣсти“ въ самомъ концѣ XVII вѣка стало очевиднымъ: послѣднія лѣтописныя краткія извѣстія „Повѣсти“, числомъ 12, съ импонирующимъ окончаніемъ, оказались выписанными изъ Временника со всѣми ошибками Временника, появившимися въ немъ исключительно отъ спутанности листовъ его источника [3]). Наконецъ баснословное предисловіе „Повѣсти“ оказалось выписаннымъ буквально, только подъ другимъ заглавіемъ, изъ хронографа 1679 года [4]).

Колебаться долѣе было трудно. Было ясно, что „Повѣсть о странѣ Вятской“ есть повѣсть книжника конца XVII вѣка объ отдаленныхъ отъ него на нѣсколько столѣтій событіяхъ на Вяткѣ, начало которыхъ онъ отнесъ къ XII вѣку — къ 1174 году... „къ днямъ великаго князя Ярослава Владиміровича“...

Была ли „Повѣсть“ написана по преданіямъ, сохранившимся отъ времени описанныхъ въ ней событій, конечно — не безъ вѣковыхъ наслоеній, или по какимъ нибудь даже оказавшимся въ XVII в. записямъ, о которыхъ „Повѣсть“ не говоритъ ни слова и существованіе которыхъ болѣе чѣмъ сомнительно, во всякомъ случаѣ показанія Повѣсти конца

---

[1]) А. А. Спицынъ въ той же статьѣ Вятскихъ Губ. Вѣдомостей 1888 г. (№ 86).

[2]) См. окончаніе Временника, напечатанное въ Вятскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1879 г., № 14, 358—359.

[3]) Статья о „Временникѣ прот. Луки Юферева“ въ Вятскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1879 года, 275 - 278. Сравн. послѣднія (15—17) страницы „Повѣсти о градѣ Вяткѣ (1866 г.) и извѣстія Временника на страницахъ 322—324 Вятскихъ Епарх. Вѣдомостей 1879 г. (№ 13). Календарь Вятской губ. на 1888 г., 195—197; отдѣльное изданіе рефератовъ 1887 г., 43—45; Вятскія Епарх. Вѣд. 1888 г., 248—251.

[4]) Напечатано въ Изборникѣ Анд. Попова, 442—445.

XVII вѣка объ отдаленныхъ на нѣсколько столѣтій событіяхъ требовали самой тщательной провѣрки со стороны изслѣдователей, чтобы узнать, достовѣрный ли первоисточникъ ея „Повѣсть“, или же недостовѣрный, или по крайней мѣрѣ —не вполнѣ чистый и точный.

Съ возможной внимательностію прочитаны были русскія лѣтописи до конца XV вѣка,—времени покоренія Вятки Москвой, сдѣланы были и напечатаны извлеченія изъ лѣтописей, имѣющія хотя какое нибудь, даже отдаленное, отношеніе къ древней исторіи Вятки [1]). Ни въ одной лѣтописи не найдено было не только указанія на походъ новгородцевъ по Волгѣ, Камѣ, Вяткѣ, на перевалъ ихъ отъ Чусовскихъ мѣстъ съ Камы на Чепцу и т. д. въ концѣ XII вѣка, но не оказалось даже и намека на „жительство“ русскихъ по берегамъ р. Вятки въ теченіе цѣлыхъ 2-хъ столѣтій послѣ 1174 года [2]). Удивительно было такое молчаніе лѣтописей, особенно Лаврентьевской, писанной въ XIV вѣкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, всего въ 400 верстахъ отъ Хлынова и еще въ меньшемъ разстояніи отъ другихъ поселеній новгородскихъ на Вяткѣ въ XII—XIV вѣкахъ [3]), если только Хлыновъ и новгородскія поселенія существовали на Вяткѣ въ указанное время, да еще и „умножились“, какъ разсказываетъ „Повѣсть“. Но еще болѣе удивительно молчаніе лѣтописцевъ самого великаго Новгорода. Въ новгородскихъ 4-хъ лѣтописяхъ и въ 2-хъ Софійскихъ мы не находимъ до 1391 года и упоминанія о Вяткѣ [4]), а между тѣмъ въ тѣхъ же лѣтописяхъ за послѣднія тридцать лѣтъ XII вѣка встрѣчаемъ многократныя записи современниковъ даже о незначительныхъ походахъ изъ Новгорода на инородцевъ, напр. подъ 1169

[1]) „Русскія лѣтописцы о Вяткѣ“ въ Вятскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1879 г. № 23, 24; 1880 г., № 1, 3, 4, 6, 7, 9, 10.

[2]) Вятскія Епарх. Вѣд. 1880 г. № 7, стр. 173.

[3]) Тамъ же, 1880 г. № 1, стр. 1—2. Но въ Лаврентьевской есть обстоятельныя извѣстія о тяжелой и продолжительной борьбѣ русскихъ съ Болгарами въ 1164—1183 годахъ, т. важныя для оцѣнки хронологической даты „Повѣсти“ о походѣ новгородцевъ по Волгѣ и Камѣ въ 1174 г. Тамъ же, 1880 г. № 1, ст. 2—7.

[4]) Вятскія Епарх. Вѣд. 1880 г., № 3, стр. 59, 60, 62, 94, 143.

годомъ о походѣ новгородцевъ съ Даньславомъ Лазутиничемъ за Волокъ, подъ 1176 годомъ объ избіеніи Чуди, приходившей въ Псковскую землю, подъ 1179 о походѣ новгородцевъ съ Мстиславомъ Ростиславичемъ на Чудь Очелу, подъ 1186 годомъ о походѣ молодцовъ на Емь съ Вышатою, подъ 1187 годомъ о походѣ за Волокъ и на Печеру, подъ 1191 годомъ на Емь и на Чудь, подъ 1193 годомъ о походѣ на Югру. А всего удивительнѣе то, что въ первый разъ упоминаніе о Вяткѣ въ лѣтописяхъ оказалось ровно-ровно черезъ двѣсти лѣтъ послѣ даты „Повѣсти": въ нѣсколькихъ лѣтописяхъ [1]) записано извѣстіе именно подъ 1374 годомъ--тоже о походѣ новгородцевъ на Вятку, только съ другой стороны, и не такихъ благочестивыхъ, какъ новгородцы 1174 года въ „Повѣсти"... Но не обмолвясь о Вяткѣ ни единымъ словомъ до 1374 года, русскія лѣтописи въ то же время даютъ богатый матеріалъ изслѣдователямъ, чтобы утверждать, что самый походъ новгородцевъ на Вятку въ 1174 году въ томъ видѣ, какъ онъ представленъ въ „Повѣсти", былъ невозможенъ. Въ лѣтописяхъ подробно и довольно обстоятельно излагаются извѣстія о продолжительной и трудной борьбѣ русскихъ съ болгарами въ 1164—1186 годахъ, именно—въ то время, къ которому относитъ „Повѣсть" совершенно свободное и ничѣмъ непрерываемое путешествіе новгородцевъ по болгарскимъ водамъ и землямъ въ направленіи къ среднему теченію р. Вятки: борьба съ болгарами была не всегда счастлива для русскихъ, и за полтора года до описываемаго „Повѣстью" путешествія новгородцевъ, зимой 1172—73 года, сынъ Боголюбскаго Мстиславъ Андреевичъ и сыновья Рязанскаго и Муромскаго князей, забравшіеся-было въ болгарскую землю, едва-едва спаслись отъ погони болгаръ и приписали свое спасеніе особому чуду [2]). Путешествовать въ такое время беззаботно и даже „дошедше до рѣки Камы поставить на Камѣ градецъ" въ са-

---

[1]) Воскресенской, Никоновской, Львова, Типографской, Татищевскомъ сводѣ.

[2]) Дѣло было близъ устья Оки, за полвѣка до основанія тутъ Нижняго Новгорода. Вятскія Епарх. Вѣд. 1880 г., стр. 3—4, 6, 8—9, 166—168.

момъ центрѣ болгарской земли, какъ гласитъ „Повѣсть“, это столь же правдоподобно, какъ путешествовать съ иконою святителя Николая изъ Хлынова чрезъ Казань въ 1552 году, какъ гласятъ нѣкоторые наши мѣстные исторіографы [1]). Затѣмъ и въ XIII и въ XIV вѣкахъ, за все время до 1374 года, русскія лѣтописи даютъ очень много такихъ извѣстій о событіяхъ въ сопредѣльныхъ съ Вяткою мѣстностяхъ, что приходится признавать не только сомнительнымъ, но прямо — невѣроятнымъ „жительство“ на берегахъ р. Вятки какихъ либо русскихъ людей до 1374 года [2]). Такъ, если вѣрить „Повѣсти“, Хлыновъ и Котельничъ оказываются построенными раньше Устюга и Нижняго Новгорода, и между тѣмъ какъ объ Устюгѣ и Нижнемъ въ XIII XIV вѣкахъ постоянно упоминаютъ извѣстія лѣтописей, о вятскихъ яко-бы древнѣйшихъ по „Повѣсти“ городахъ не говорится въ лѣтописяхъ ни слова! Въ 1182 году, по лѣтописямъ, болгары „великое раззореніе учиняютъ около Городца (Волжскаго), Мурома и Рязани“, передовыхъ въ то время противо-болгарскихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, а въ это же время новгородскіе пришельцы спокойно устраиваютъ, по „Повѣсти“, Хлыновъ. Послѣ продолжительной борьбы съ Русью, въ 1218 году, болгары берутъ и раззоряютъ отдаленный отъ нихъ Устюгъ, а новгородскія поселенія на р. Вяткѣ, лежавшія на прямой дорогѣ болгаръ въ Устюгъ, „умножившіяся“, по словамъ „Повѣсти“, пришельцами съ Устюга, остаются со стороны болгаръ нетронутыми. Не продолжаемъ далѣе лѣтописныхъ указаній, противорѣчащихъ показаніямъ „Повѣсти“, предлагая желающимъ прочитать указанное въ выноскѣ.

Для повѣрки показаній „Повѣсти“, собраны были имѣющіе хотя какое нибудь отношеніе къ исторіи древней Вятки

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе см. Календарь Вятской губ. на 1888 годъ, 164—168; отдѣльный оттискъ рефератовъ, 12—16; Вятскія Епарх. Вѣд. 1888 г., 166—171.

[2]) Не распространяемся здѣсь о такихъ извѣстіяхъ лѣтописей, потому что желающіе найдутъ ихъ въ Календарѣ Вятской губ. на 1888 г. на стр. 162—163, 168—172; въ отдѣльномъ изданіи рефератовъ 10—11, 16—20; въ Вятскихъ Епарх. Вѣд. 1888 г., 136—137, 171—177.

древніе акты, извлеченные изъ доступныхъ на Вяткѣ изданій, изъ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, изъ Актовъ Археографической Экспедиціи, изъ Актовъ Историческихъ и Дополненій къ нимъ, изъ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостей и другихъ рѣдкихъ изданій. Коллекція такихъ актовъ до 1700 года, съ присоединеніемъ многихъ дотолѣ неизданныхъ и извлеченныхъ изъ мѣстныхъ архивовъ, была напечатана въ 1880 году въ „Древнихъ Вятскихъ Актахъ". Послѣ того издателемъ „Древнихъ Вятскихъ Актовъ" добыто, въ копіяхъ, еще болѣе 300 актовъ, тоже до 1700 года, найденныхъ въ столичныхъ и мѣстныхъ архивахъ и относящихся къ исторіи Вятки; а А. А. Спицынымъ, во время нерѣдкихъ поѣздокъ по Вятской губерніи съ археологическою цѣлью, снято болѣе 150 копій съ актовъ до 1700 г., оказавшихся въ архивахъ церквей и у частныхъ лицъ. Но еще Бередниковъ, пріѣзжавшій на Вятку въ 1833 году съ цѣлью отысканія древнихъ актовъ, по порученію Археографической Экспедиціи, и рывшійся здѣсь въ архивахъ при благосклонномъ содѣйствіи архіерея и губернатора, тогда же писалъ П. М. Строеву [1], что „археографическая жатва на Вяткѣ древнихъ актовъ оказалась ничтожною", и что только въ архивѣ одного присутственнаго мѣста ему удалось найти нѣсколько „старинныхъ актовъ, касающихся средняго періода исторіи русскаго права" (напечатанныхъ потомъ въ „Актахъ Археографической Экспедиціи"). Большая часть указанныхъ сейчасъ актовъ—XVII вѣка, не большое число—XVI вѣка, самое незначительное—XV вѣка. Самыми древними изъ нихъ оказались, упоминающія о Вяткѣ, договорныя грамоты Василія Темнаго съ князьями Галицкими 1428—1440 годовъ и духовная Галицкаго князя, дважды садившагося на великокняжескій престолъ, Юрія Димитріевича 1434 года. Вятскихъ актовъ XIII—XIV вѣковъ, актовъ хотя бы намекающихъ на „жительство" русскихъ на Вяткѣ въ этихъ вѣкахъ—не оказалось ни одного. Вятскихъ куп-

[1]) „Жизнь и труды П. М. Строева". Н. Барсукова. СПб. 1878 г. 262—264.

чихъ, закладныхъ и тому подобныхъ бытовыхъ письменныхъ актовъ XIV вѣка, какихъ не мало было найдено въ Двинской области, посылать Щапову въ копіяхъ не было никакой возможности: ихъ не было — ни клочка, ни лоскута.

Какихъ либо памятниковъ XIII—XIV в. вещественныхъ, указывавшихъ на „жительство" новгородцевъ на Вяткѣ въ это время, какъ и письменныхъ, до сихъ поръ никто еще не указывалъ [1]).

Въ видахъ той же повѣрки показаній „Повѣсти", обращено было посильное вниманіе на особенности въ собственныхъ именахъ XII—XIV вѣковъ, какія сохранились въ лѣтописяхъ и актахъ новгородскихъ, а также и въ актахъ Заволочья, заселеннаго новгородцами въ сейчасъ указанное время. Мы не говоримъ здѣсь о такихъ именахъ, какъ Лазута, Нѣжата, Негута, Дугота, это — прозвища; не имѣемъ здѣсь въ виду и такихъ увеличительныхъ именъ, какъ Гюрята, Петрята, Твердята, Петрило, Твердило (Твердиславъ), Судило (Судиславъ): это — имена не часто встрѣчающіяся въ письменныхъ памятникахъ того времени [2]). Но мы имѣемъ въ виду употреблявшіяся въ Новгородѣ и въ Заволочьѣ въ XII вѣкѣ имена — Смѣхно (Семенъ), Прохно (Прохоръ), Грихно (Григорій), Стехно (Стефанъ), Тихно (Тихонъ), Трихно (Трифонъ), Яхно (Яковъ), Юхно (Юрій) и подобныя [3]), а также и употреблявшіяся

---

[1]) Существуетъ устюжскій списокъ Кормчей XIII в.; существуетъ Прологъ 1229 года, писанный въ Новгородѣ „въ храмѣ Спаса за волокъ въ Шенкурье", и тому подобныя наглядныя доказательства существованія Устюга и [illegible] новгородскихъ поселеній въ Заволочьѣ (Журналъ М. Н. П. [illegible] г., февраль, [illegible]. Списокъ русскихъ памятниковъ, Кеппена, 112). Если бы что нибудь въ этомъ родѣ оказалось на Вяткѣ, какое бы сильное подтвержденіе въ такомъ документѣ было „жительства" здѣсь новгородцевъ до 1374 года!

[2]) Мы и не [illegible] найти такія [illegible] на Вяткѣ въ письменныхъ памятникахъ позднѣйшаго времени.

[3]) Въ грамотѣ Антонія Римлянина, подлинникъ съ которой хранится въ Антоніевомъ монастырѣ въ Новгородѣ: „Купилъ земли у Смѣхна да у Прохна землю..., а обводъ той земли отъ рѣкѣ отъ Волхова Витковою ручьемъ вверхъ по Лѣщинкъ". Въ грамотѣ тому же монастырю царя Феодора 15[illegible]2 г. эта Витка называется Вѣткою, точно такъ же, какъ р. Свирь въ древнихъ письменныхъ памятникахъ называется

въ XIII—XV вѣкахъ имена—Гавша (Гаврилъ), Давша (Давыдъ), Данша (Данилъ), Прокша (Прокопій) и подобныя. Слѣды первыхъ въ Новгородѣ и въ Заволочьѣ остались и въ позднѣйшихъ, даже до послѣдняго времени, письменныхъ памятникахъ, именно—въ названіяхъ поселеній по имени первоначальнаго поселенца, какъ напр. въ Заволочьѣ—деревня Тихновская, Трихновская, Грихновская, Юхновская, д. Михнево, и даже—въ близкой къ Заволочью области Ростовской, какъ напр. Сиѣхнево, Трушнево и др.; слѣды вторыхъ остались также—въ названіяхъ поселеній какъ въ Заволочьѣ, такъ и—даже больше—въ Ростовской области, каковы напр. селенія Гавшино, Давшино, Даншино, Коншино, Микшино, Першино, Прокшино, Юршино (Юрятино) и др. [1]). Такихъ собственныхъ именъ, напоминающихъ XIII—XIV вѣка, а тѣмъ болѣе XII вѣкъ, мы рѣшительно не встрѣчаемъ ни въ Дозорной кн. Звѣнигородскаго, ни въ Писцовой книгѣ Толочанова,—самыхъ старыхъ изъ дошедшихъ до насъ переписей вятскаго населенія XVII вѣка; точно также не встрѣчаемъ въ указанныхъ книгахъ поселеній, напоминающихъ XIII—XIV вѣка, въ родѣ—Гавшино, Даншино [2]), не говоря уже о напоминающихъ XII вѣкъ, какъ Тихново, Терехново и др.

Что касается до названій рѣкъ и рѣчекъ въ Вятскомъ, Орловскомъ и Котельническомъ уѣздахъ, въ предѣлахъ которыхъ сосредоточивалась древне-русская Вятка [3]), то назва-

Свѣрью. Вишера Вешерой. За Антоніевымъ же монастыремъ была рыбная ловля на р. Вяти (Исторія Росс. Іерархіи, Амвросія Орнатскаго. III, 124, 172, 248.

[1]) Списки населенныхъ мѣстъ Архангельской и Ярославской губ.

[2]) Кромѣ названія „Першино“, какихъ весьма много въ Заволочьѣ и Ростовской области, откуда оно, всего вѣроятнѣе, перешло и на Вятку.

[3]) Вятка населена была русскими весьма слабо даже въ XVI в. (См. статью А. А. Спицына въ Календарѣ Вятской губ. на 1887 г., стр. 152—153). Уѣзды: Сарапульскій, Елабужскій, Малмыжскій, Яранскій, Уржумскій, Нолинскій, Глазовскій заселялись русскими уже послѣ покоренія Казани въ 1552 году. Города Слободской, Шестаковъ основаны послѣ покоренія Вятки Москвой въ 1489 году, послѣдній при Грозномъ.

нія инородческія, какихъ много, конечно, ничего, не говорятъ въ пользу особенной „древности жительства" русскихъ на Вяткѣ; а масса такихъ названій, какъ Хлыновица, Просница. Каменница, Песковка, Боровица, Березовка, Осиновка, Лубяница, Мостовица, Портомойка, Глушица, Мутница, Тиноватица, Чахловица, Гнилая, Язевица, Черемуховица, Балакорица (въ Котельничѣ), Говоруха (близъ Котельнича), Якимцова, Мосеевка, Тырышка и подобныя, упоминаемыя въ переписныхъ книгахъ почти 300 лѣтъ тому назадъ, нисколько не напоминаютъ намъ о XII—XIV вѣкахъ. Есть и такія названія, какъ Бобровница, Выдрица, напоминающія о русскихъ охотникахъ—бобровникахъ; но бобровыя гоны сдавались на Вяткѣ на оброкъ и въ XVII столѣтіи. Упоминаются въ тѣхъ же переписныхъ книгахъ Чумовица, Сингирева, Тотарка, Тотаринова, Мурылевка, Салтановица; первая напоминаетъ о чумахъ живщихъ на ней вотяковъ, а послѣднія о татарахъ, стало быть—о событіяхъ на Вяткѣ не ранѣе конца XIV вѣка. Рѣки Кырмышъ (въ старыхъ актахъ и Курмышъ), Пьяна, Мѣдяна, вмѣстѣ съ названіями мѣстностей „Карино", „Кирдянино первое", „Кирдянино второе", напоминаютъ о Суздальско-Нижегородскихъ князьяхъ, укрывавшихся на Вяткѣ отъ московскихъ сысковъ съ своими приверженцами, тоже въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка [1]). Рѣка Святица напоминаетъ о рѣкѣ Святицѣ, на родинѣ митрополита Іоны, въ княжествѣ Галицкомъ, и объ отношеніяхъ Галицкихъ князей къ Вяткѣ, которыя начались во всякомъ случаѣ не ранѣе конца XIV вѣка. Указаны еще въ пере-

[1]) Курмышъ, передовой укрѣпленный пунктъ противъ инородцевъ, построенъ Нижегородскими князьями въ 1372 году. Мѣдяна—рѣка, впадающая въ Суру около Курмыша; Пьяна рѣка памятная Нижегородскимъ князьямъ по пораженію ихъ Арапшею въ 1377 году. Карино нижегородское приложено въ Печерскій монастырь, по синодику его, въ концѣ XIV вѣка. Въ Карино вятское посылались грамоты изъ Москвы въ первой половинѣ XVI вѣка. Кирдянино первое и Кирдянино второе, недалеко отъ г. Вятки, по направленію къ с. Кстинину, въ Березовскомъ станѣ, показано въ Дозорной книгѣ 1615 г. и Писцовой 1628 г.

писныхъ вятскихъ книгахъ 1615 и 1628 г. рѣки, напоминающія о рѣкахъ Новгородской области, преимущественно Заволочья: такъ рѣка Стрѣльная напоминаетъ о рѣкѣ Стрѣльной, впадающей въ Сухону, въ 50 верстахъ отъ Устюга; Великая напоминаетъ, если не о псковской рѣкѣ Великой, то о Великой, притокѣ Лежи, впадающей въ Сухону; Быстрица—о Быстрицѣ въ Тихвинскомъ уѣздѣ; Летька (Ледька)—о р. Леди, притокѣ Ваги, въ Шенкурскомъ уѣздѣ; Холуной истокъ, Холуная прость и рѣчка Холуница (въ Орловскомъ и Котельническомъ уѣздѣ) напоминаютъ Холынь въ Обонежской и Деревской пятинѣ: Волма—р. Волму, впадающую въ Мету, въ Обонежской пятинѣ, Филя (Филейка)—Филю въ той же пятинѣ; Пстобица Орловскаго уѣзда—Пстовницу и Пстопенку Устюжскаго уѣзда; Чепца напоминаетъ р. Чепцу, впадающую въ *озеро Воже или Чаронду*, въ Кириловскомъ уѣздѣ [1]. *Но если* названія, сейчасъ указанныя, даны вятскимъ рѣкамъ первыми русскими поселенцами изъ Заволочья, то во всякомъ случаѣ не ранѣе второй половины XIV вѣка: пустынное, чрезвычайно рѣдко заселенное Заволочье XII—XIV вѣка не могло давать такихъ групповыхъ выселеній, о какомъ подъ 1174 годомъ разсказываетъ „Повѣсть о странѣ Вятской“.

Теперь обратимъ вниманіе на извѣстіе лѣтописей подъ 1374 годомъ и извѣстіе „Повѣсти“ подъ 1174 годомъ и сравнимъ то и другое извѣстіе.

Подъ 1374 годомъ, какъ мы замѣтили еще въ 1880 году [2], Вятка въ *первый* разъ упоминается въ лѣтописяхъ, а дотолѣ о ней не сказано ни слова ни въ одной лѣтописи. Въ пяти указанныхъ нами выше лѣтописяхъ это извѣстіе передается одинаково, съ самыми ничтожными измѣненіями, такъ:

---

[1]) Можно указать еще не мало названій рѣкъ того же рода: напр. вятскія Нижма, Шижма, Локма напоминаютъ притоки Ветлуги—тоже Нижму, Шижму, Локму; вятская Немда напоминаетъ Нему, впадающую въ Волгу рядомъ съ Унжей; но это—названія инородческія, свидѣтельствующія о родствѣ инородцевъ, поселенныхъ на тѣхъ и другихъ рѣкахъ.

[2]) Вятскія Епарх. Вѣд. 1880 г., 173.

„Въ лѣто 6882 (1374) идоша на Низъ рѣкою Вяткою ушкуйницы (ушкуницы, укшуйницы) разбойницы, 90 ушкуевъ (укшуевъ), и пограбиша Вятку, и шедше взяша Болгары, хотѣша и городъ зажещи, и даша имъ окупа 300 рублевъ; оттуду раздѣлишася на двое: 50 ушкуевъ (укшуевъ) поидоша на низъ по Волгѣ къ Сараю, а 40 ушкуевъ поидоша вверхъ по Волгѣ, и дошедше Обухова, пограбиша все Засуріе и Маръкващъ, и перешедъ за Волгу суды всѣ изсѣкоша, а сами поидоша къ Вяткѣ, на конехъ, и много селъ идуще по Ветлугѣ пограбиша“.

Въ этомъ извѣстіи лѣтописей, намъ кажется, нѣтъ ничего сомнительнаго и невѣроятнаго. Это былъ ушкуйническій, на быстроходныхъ ладьяхъ—ушкуяхъ, налетъ новгородскихъ „молодцовъ“, пользовавшихся нечаянностію и внезапностію своего нападенія, чтобы захватить добычу у растерявшихся жителей въ прибрежныхъ поселеніяхъ, сорвать съ нихъ „окупъ“, а то и захватить наиболѣе цѣнныхъ плѣнниковъ и плѣнницъ, и съ добычею быстро исчезнуть. Такіе ушкуйническіе набѣги начались въ XIV вѣкѣ и были особенно часты во второй половинѣ этого вѣка [1]), благодаря „замятнѣ“, начавшейся въ Ордѣ съ 1357 года, когда тамъ въ теченіе какихъ нибудь 23 лѣтъ (1357—1380) перебывало до 20 хановъ и почти каждый изъ нихъ погибалъ среди междоусобій [2]). Изъ того, что новгородцы шли р. Вяткою на Каму, видно, что экспедиція 1374 года снаряжена была въ Заволочьѣ и что въ ней участвовало много заволочанъ. Получить свѣдѣнія о Вяткѣ они могли предварительно отъ участниковъ прежнихъ ушкуйническихъ походовъ, напр. похода 1360 года и 1366 года [3]), а потомъ ближе познакоми-

[1]) Въ лѣтописяхъ указаны ушкуйническіе набѣги подъ 1360, 1366, 1369—1371, 1375, 1379, 1392 годами.

[2]) Словарь Березина, подъ словомъ „Золотая Орда“.

[3]) Въ 1360 г. ушкуйники, по Новгородской четвертой и Воскресенской лѣтописи, „взяша Жукотинъ“, городъ Джиювогорскихъ князей (бековъ) на Камѣ, недалеко отъ нынѣшняго Чистополя; а по Архангелогородской лѣтописи „ходилъ на Каму да взялъ Жукотинъ бояринъ Великаго Новгорода Анфалъ Никитинъ“, что тѣмъ болѣе невѣроятно,

*

лись съ берегами Вятки, когда спускались по ней въ Каму. На р. Вятку проникли они, всего вѣроятнѣе, по рр. Югу и Моломѣ; а 40 ушкуевъ, направившихся вверхъ по Волгѣ, послѣ налета на г. Болгары, напали на Засуріе, т. е. на Мордву, живущую за р. Сурой, къ востоку отъ нея, и не стали уже нападать на селенія, расположенныя выше устья Суры, потому что наткнулись тутъ на только-что основанный въ 1372 году нижегородскими князьями на лѣвомъ берегу Суры городъ Курмышъ и другія русскія поселенія у устья Суры. Опасались они грабить русскія поселенія потому, что еще послѣ похода 1360 года на Жукотинъ князья жукотинскіе жаловались на ушкуйниковъ хану и, по требованію послѣдняго, „былъ проторъ великъ" русскимъ князьямъ, особенно нижегородскимъ, а ушкуйники „со всѣмъ богатствомъ ихъ" были выданы посламъ хана и отведены въ Орду [2]). Равно и послѣ набѣга 1366 года великій князь Димитрій Ивановичъ весьма „разгнѣвася на Новгородци" за то, что ихъ ушкуйники пограбили бесерменскихъ гостей въ Нижнемъ, и „разверже миръ съ ними", но пока оставилъ ихъ въ покоѣ, отвлеченный борьбою съ Михаиломъ Тверскимъ, Ольгердомъ и Мамаемъ [3]). Не трогая русскихъ поселеній въ области Нижегородскаго княжества, съ добычею, захваченною въ Болгарахъ и у Мордвы, 40 ушкуевъ, въ 12 верстахъ отъ устья Ветлуги,

---

что отецъ Анфала — Никита Матвеичъ, владѣвшій землями по Двинѣ и бывшій именно въ 1360 г. степеннымъ посадникомъ, могъ организовать ушкуйническую экспедицію въ своихъ по-двинскихъ имѣніяхъ и поручить начальство надъ ней своему старшему сыну, „молодцу изъ молодцовъ" новгородскихъ Анфалу. А ушкуйники 1366 г., по лѣтописямъ, „Камою ходивше и болгары воююще многихъ избиша". Не знать р. Вятки тѣ и другіе ушкуйники не могли.

[2]) Воскресенская лѣт. (VIII, 11), Никоновская (III, 216).

[3]) Но въ 1386 г., послѣ похода Донского на Новгородъ, новгородцы все-таки должны были уплатить ему 8000 рублей за ушкуйническіе набѣги: 3000 рублей они взяли „съ полатей у св. Софіи", а „5000 рублей возложили на Заволочанъ, понеже Заволочане были же на Волзѣ, грабили и били гостей" великаго князя (Никоновская подъ 6894 годомъ).

съ рѣчки Обуховки, переправились на лѣвый берегъ Волги, захватили, сколько могли, коней у живнихъ при устьѣ Ветлуги черемисъ и „на конехъ“ быстро исчезли по направленію къ верховьямъ Ветлуги [1]). Ветлуга и Вохма, съ легкимъ переваломъ (можетъ быть—чрезъ Енталу) на р. Югъ, еще по замѣчанію Ходаковскаго [2]), служили обыкновеннымъ путемъ изъ Нижегородскаго княжества на Двину; но ушкуйники, надобно замѣтить, не поѣхали по Вохмѣ въ Заволочье — домой, а минуя устье Вохмы, направились, по верховью Ветлуги, къ р. Вяткѣ, въ то промежуточное пространство, которое вмѣстѣ съ р. Моломою отдѣляло поселенія вотяковъ отъ поселеній черемисъ. Число ушкуйниковъ на 40 ушкуяхъ было приблизительно отъ 840 до 1120 человѣкъ, если принять во вниманіе, что въ ушкуйническомъ набѣгѣ слѣдующаго 1375 года, подъ начальствомъ Прокофья, на 70 ушкуяхъ было, по нѣсколькимъ лѣтописямъ [3]), —2000, а по двумъ лѣтописямъ [4])—1500 человѣкъ.—Къ сожалѣнію, лѣтописное извѣстіе подъ 1374 годомъ оказывается неполнымъ и недоговореннымъ: оно ничего не говоритъ о судьбѣ тѣхъ 50 ушкуевъ, которые пошли внизъ по Волгѣ къ Сараю. Но, если бы они тамъ погибли, то конечно объ этомъ было бы сказано въ лѣтописяхъ, подобно тому, какъ разсказано въ лѣтописяхъ подробно о „Прокофовой кончинѣ“ и гибели его ушкуйниковъ отъ Салчея въ Астрахани въ слѣдующемъ 1375 году. Они могли или воротиться домой—въ Заволочье, или пробраться, на обратномъ пути, изъ Камы къ Вяткѣ— по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ ихъ товарищи (на 40 ушкуяхъ), минуя Вохму, пробрались къ Вяткѣ. Но во всякомъ случаѣ, пробрались ли эти, ходившіе внизъ по Волгѣ, ушкуйники домой, или „застряли“ также на Вяткѣ, и одной партіи „молодцовъ“ въ 840—1120 человѣкъ, кажется,

---

[1]) Древніе города въ Казанской губ., С. М. Шпилевскаго, 174.

[2]) Русскій Историческій Сборникъ, 1837 г., I, 30.

[3]) Новгородской третьей—подъ 6884 годомъ, Никоновской, Львова, Типографской—подъ 6883, Русскому Временнику—подъ 6884 годомъ.

[4]) Тверской и Авраамки подъ 6883 годомъ.

было достаточно, чтобы положить основаніе русскимъ поселкамъ рыболововъ и охотниковъ, въ мѣстностяхъ между черемисами и вотяками, поселкамъ—прототипамъ казачьихъ первоначальныхъ поселеній на Дону и Яикѣ [1])...

Чтобы правильно оцѣнить извѣстіе „Повѣсти о странѣ Вятской“ о походѣ новгородцевъ въ 1174 году на р. Вятку, необходимо читать это извѣстіе начиная съ предисловія, а не въ томъ урѣзанномъ видѣ, въ какомъ оно извѣстно въ печати [2]). Въ этомъ предисловіи, послѣ баснословнаго сказанія о князьяхъ Славенѣ и Русѣ и грамотахъ къ славянамъ Александра Македонскаго [3]), мы читаемъ:

---

[1]) Необходимо здѣсь еще предварительно замѣтить, что слова въ извѣстіи 1374 года „пограбиша Вятку“ отнюдь не значать „пограбили городъ Вятку“ (какъ полагаютъ иные, въ чемъ мы убѣждались не разъ при разговорахъ о древности Вятки), а значатъ „пограбили жителей береговъ р. Вятки“, гдѣ жили тогда вотяки и черемисы.

[2]) Въ Казанскомъ Вѣстникѣ 1824 года, въ перепечаткѣ изъ него въ Вятскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1866 года, въ отдѣльномъ оттискѣ изъ нихъ, въ Календарѣ Вятской губ. на 1884 годъ (148—155) и въ отдѣльномъ оттискѣ изъ Календаря—того же года.

[3]) Печатаемъ здѣсь это баснословное сказаніе (какъ и предисловіе) по списку „Повѣсти“ Синодальному (№ 841),—копія съ „поданнаго въ Консисторію“ прот. Лукою Юферевымъ лѣтописца:

„Древле князи Скифстіи нарицаеми Славенъ и Русъ, возставше отъ Евксинопонта, сирѣчь отъ Чернаго моря, еже впредние про нихъ пишется русскомъ, со множествомъ народовъ своихъ пришедше на полунощь, отъ великаго езера Ильменя полтора поприща, на рѣцѣ Мутной, нынѣ жъ нарицаема Волховъ, создаша градъ и нарѣкоша во имя старѣйшаго князя своего Славенъ градъ лѣта отъ созданія міра 3099. И потомъ граду тому бысть запустѣніе казньми богопустными моромъ: наче же по семъ нашедше Угры всеконечно разориша и въ запустѣніе мѣсто оно положиша. И прешедшимъ многимъ лѣтамъ паки собравшеся отъ рѣки Дуная и отъ окрестныхъ странъ многочисленніи тіи народы пріидоша на запустѣвшія праотеческія мѣста и создаша новый градъ, и размножившеся и по многимъ странамъ разсѣявшеся, и во дни Македоніи царя Александра великаго храбрости своея ради пріяша отъ его мирныя грамоты и чести, и егда возмужавшимъ зѣло во множествѣ и храбрости народа, и многія грады и страны покориша и съ царствующихъ градовъ дани собираше. И избраша отъ гражданъ своихъ правителя Гостомысла и граду своему имя пременивша, нарекоша Новъ градъ великій, и отъ того времени тіи народи нарицахуся славенороссы. И къ лѣтѣхъ оныхъ тѣмъ народомъ боже-

„По успеніи великаго князя Владиміра въ чадехъ его бысть братоненавидѣніе и убійство, и егда облада сынъ его Ярославъ всею славянскою землею, тогда великаго Новогорода жителямъ нарицаемымъ славяномъ даде уставныя грамоты въ лѣто 6528, дани и правительства узакони вѣчно, и уставъ судебный предаде, еже не преходити законовъ вѣчныхъ. Егда же великаго новаграда народи, самовластвующе по своей воли и изобилующе въ богатствѣ паче всѣхъ россіянъ, и призываху великихъ князей къ себѣ ради отъмщенія супостатовъ, имяху ихъ за повелѣніемъ своимъ, еже имъ прежнихъ предѣлъ не преходить и уставленныхъ съ нихъ даней, какъ они получили отъ великаго князя Ярослава, и жалованныхъ его грамотъ не перемѣнять. А елицы призванны князи нѣчто отъ того прежняго установленія премѣняху или что по своей волѣ сотворятъ, сихъ начастѣ изъ великаго Новаграда отсылаху, овыхъ и съ безчестіемъ. И тако тіи народи самовольствующе пріяша отъ отецъ своихъ обычай правити межъ собою своими градожители, тысяцкими и посадскими, и быша въ нихъ многа неисправленія ложная, въ собраніи даней въ предѣлахъ своихъ противленія. Наипаче же во дни тыя отметнушася отъ великаго Новаграда двиняне, не восхотяще дани даяти по прежнему уставленію къ великому новуграду и предавшеся князю Андрею Суждальскому и сыну его Роману. И о сихъ отъ различныхъ великихъ князей бранемъ умножившимся на великій новъградъ, за самовластіе ихъ наипаче же и зависти ради, яко изобилующе въ богатствѣ паче иныхъ, и отъ нашествія сихъ князей отъ междоусобныя брани избави пресвятая Богородица, честнымъ образомъ своимъ показа знаменіе, и и бысть чудо преславно въ лѣто 6676. И по семъ новогородцы, правими своими градожители, и князей паки призываху къ себѣ по своей воли, и наипаче народу умножающуся и самовольству и нестроенію и безчинію настоящу,

---

ственныя благодати возсія заря, пріяша бо святое крещеніе чрезъ великаго князя Владиміра въ лѣто 6496 и быша все христіане. И по успеніи сего великаго князя"... (далѣе см. вверху въ текстѣ).

воевахуся россійстіи князи не токмо с новгородцы, но и между собою во всѣхъ россійскихъ странахъ. Въ таже лѣта начальное княженіе изъ Кіева пренесеся во градъ Владимеръ, послѣ жъ и къ Москвѣ. Самовластницы же великаго новограда жители заратишася с великими росеійскими князи, и многія ихъ удѣльныя земли грады и страны раззоряюще, и тогда новогородцы воеваху по Волгѣ рѣкѣ, и которыя страны завоеваху, въ тѣхъ и жити изволяюще. Понеже желающе безмятежно жити и отъ междоусобія отъити, и разсмотряюще земли и ко вселенію удобныя мѣста избирающе, и мнози новогородцы о преселеніи отъ своихъ мѣстъ, за умноженіемъ народа и за неустроеніемъ междоусобныхъ браней, мыслити начаша. И въ лѣто 6682, во дни великаго князя Ярослава сына Владимирова, отдѣлишася отъ предѣла великаго новагорода жители новгородцы самовластцы з дружиною своею и шедше пловяху въ судехъ внизъ по Волгѣ рѣкѣ и дошедше рѣки Камы поставиша на Камѣ градъ малъ во обитаніе себѣ, и слышаху о Вяткѣ рѣкѣ... и отдѣлишася половина тѣхъ новгородцевъ и идоша вверхъ по Камѣ до чусовскихъ мѣстъ... и сшедъ на горы и дошедше рѣки Чепцы и внизъ по ней пловуще и отяцкія жилища, окруженныя земляными валами, ратію вземлюще, внидоша въ великую рѣку Вятку, и узрѣвше на высокой горѣ... называемый чудью болванской городокъ, взяша той крѣпкій градъ воинскимъ промысломъ въ лѣто 6689 нулія въ 24 день и побиша ту множество чуди и отяковъ, и по обѣщанію поставиша въ томъ градѣ церковь во имя страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, и начаша множитися. Оставлшимъ же въ городкѣ на Камѣ новогородцемъ вниде въ слухъ, яко дружина ихъ обладаша на Вяткѣ чюдскими мѣстами, и возставше по Камѣ рѣкѣ, внидоша во устие Вятки рѣки и идоша по ней вверхъ до черемисскихъ жилищъ, и дошедше до Кокшарова городка... тотъ городъ взяша и обладаша. И тѣ новогородцы распространишася и начаша жити на всей вятской странѣ... И сшидошася посланніи отъ болванскаго городка и отъ кокшарова городка и межъ собою въ разглагольствіи другъ

друга познавше... согласишася устроить единъ общій градъ ...городъ устроиша и нарекоша его Хлыновъ".

Разсказъ „Повѣсти" оказывается гораздо полнѣе и обстоятельнѣе краткаго извѣстія лѣтописей подъ 1374 годомъ; неудивительно поэтому, что онъ „входитъ въ честь" среди читателей, какъ „болѣе удовлетворяющій любопытству читателей" (по приведенному нами замѣчанію П. Н. Милюкова). Но мы знаемъ уже настоящую цѣнность обстоятельныхъ повѣствованій конца XVII вѣка. Внимательно перечитывая разсказъ „Повѣсти", мы замѣчаемъ прежде всего, что объясняя въ предисловіи причину выхода новгородцевъ изъ роднаго города на далекую и безвѣстную чужбину, именно— желаніе ихъ „безмятежно жити и отъ междоусобія отъити", Повѣсть говоритъ о перенесеніи начальнаго княженія къ Москвѣ, о ратованіи съ ней новгородцевъ, объ ихъ раззорительныхъ для великихъ князей войнахъ по Волгѣ, однимъ словомъ—переноситъ мысль читателя въ XIV вѣкъ, во время Калиты и его преемниковъ, въ періодъ ушкуйничества на Волгѣ. Послѣ такого объясненія въ предисловіи „причинныхъ обстоятельствъ" XIV вѣка, читатель ожидаетъ и въ правѣ ожидать, что дальше пойдетъ разсказъ о событіяхъ XIV вѣка. Но Повѣсть дальше рѣшительно сообщаетъ читателю, что новгородцы „отдѣлишася отъ предѣлъ В. Новгорода" на Вятку въ лѣто 1174. Посмотримъ теперь, что выйдетъ, если мы внесемъ въ лѣтописи подъ 1174 годомъ это „пропущенное" ими извѣстіе о походѣ новгородцевъ на Вятку. Лѣтописи намъ сообщаютъ:

Въ 1164 г. о походѣ Андрея Боголюбскаго на болгаръ.

Въ 1172—73 гг. о походѣ Мстислава Андреевича на болгаръ.

Въ 1182—83 гг. о походѣ великаго князя Всеволода на болгаръ.

Въ 1186 г. о походѣ Городчанъ на болгаръ.

Въ 1218 г. о взятіи болгарами Устюга.

Въ 1220 г. о походѣ Святослава Всеволодовича на болгаръ.

Выходитъ, что извѣстіе Повѣсти находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ лѣтописными извѣстіями въ періодъ болѣе чѣмъ полувѣковой борьбы русскихъ съ болгарами, и именно въ моменты обостренія этой борьбы происходитъ, по Повѣсти, совершенно безопасный, спокойный и медлительный походъ новгородцевъ чрезъ болгарскую землю на Вятку. Зимой 1172—1173 гг. Мстиславъ Андреевичъ и другіе князья, посланные Боголюбскимъ, только-что близъ устья Оки вторглись въ Мордовскую землю, какъ въ виду приближенія большой рати болгаръ должны были „вборзѣ“ оставить Мордву, и „хвалящe Бога“ за свое спасеніе, возвратиться „всвояси“; а въ 1174 году новгородцы, по Повѣсти, тихо и мирно минуя Мордву, плывутъ до Камы, и тутъ, почти въ виду болгарскаго укрѣпленнаго города Ошля, ставятъ городъ и живутъ въ немъ болѣе 7 лѣтъ. Оставляютъ они этотъ прикамскій городъ не по принужденію со стороны болгаръ, а потому, что получаютъ, по Повѣсти, извѣстіе о поселеніи ихъ товарищей на Вяткѣ, послѣ взятія послѣдними Болванскаго города въ концѣ іюля 1181 года, и оставляютъ не ранѣе 1182 года, между тѣмъ какъ въ это самое время враждебныя отношенія между русскими и болгарами обострились до такой степени, что въ 1182 году великій князь Владимірскій Всеволодъ Юрьевичъ проситъ помощи противъ поганыхъ у Кіевскаго великаго князя Святослава Всеволодовича, и съ посланною изъ Кіева помощью, а также съ многочисленными дружинами другихъ князей, идетъ опять къ устью Оки и въ 1183 году вторгается въ Болгарію [1]).

Обратный скачокъ Повѣсти послѣ предисловія изъ XIV вѣка въ XII вѣкъ оказывается такимъ образомъ рѣшительно неудачнымъ. Мы уже указывали выше, что многія и другія извѣстія Повѣсти, относимыя ею къ болѣе раннимъ временамъ—къ XII и XIII столѣтіямъ, оказываются неправильными, что указываемыя въ этихъ извѣстіяхъ событія невѣ-

---

[1]) Ипатьевская лѣт. 125, 318.—Вятскія Епарх. Вѣд. 1880 г., 3—6. 8—9.

роятны и невозможны въ указанное Повѣстью время. Между тѣмъ, если бы иныя изъ такихъ извѣстій Повѣсти были отнесены въ ней ко времени позднѣйшему —къ XIV или XV вѣку, то могли бы быть признаны своевременными и правильными. Напр. показаніе Повѣсти, что новгородцы называли вятчанъ бѣглецами и разбойниками, если бы было отнесено къ XV вѣку, оправдывалось бы словами новгородскихъ лѣтописей (первой и четвертой), которыя подъ 1417 годомъ называютъ Жадовскаго и Розсохина и другихъ вятчанъ бѣглецами новгородскими и разбойниками [1]). Показаніе Повѣсти, что новгородцы писали „отказныя" русскимъ князьямъ отъ вятчанъ, будь оно отнесено въ Повѣсти къ XIV вѣку, могло бы быть оправдываемо тѣмъ, что новгородцы, когда великій князь Димитрій Ивановичъ, послѣ ушкуйническихъ набѣговъ на Волгу, „разверже миръ" съ Новгородомъ, просили у него мира и писали ему объ ушкуйникахъ: „то ходили на Волгу люди молодыи, безъ нашего новгородскаго слова", т. е. *безъ согласія Новгорода* [2]). Показаніе Повѣсти, что „князи россійстіи прихождаху на Вятку съ различными воинствы, хотяще страну Вятскую взяти въ подданство себѣ", будь оно отнесено опять—таки къ концу XIV и къ XV вѣку, могло бы быть объяснено какъ пребываніемъ на Вяткѣ князей суздальско-нижегородскихъ Василія Димитріевича Кирдяпы и его брата Семена и претензіями ихъ потомковъ на обладаніе Вяткою [3]), такъ и послушаніемъ вятчанъ князьямъ галицкимъ, считавшимъ Вятку своею отчиною, и постояннымъ участіемъ въ борьбѣ этихъ князей съ Москвою. И самый анахронизмъ Повѣсти, столь странный и рѣзкій, въ молитвѣ новгородскихъ пришельцевъ къ св. Борису и Глѣбу, чтобы святые оказали имъ такую же помощь, какъ Александру Невскому, перестаетъ быть анахронизмомъ и нече-

---

[1]) Вятскія Епарх. Вѣд. 1880 г., 64.

[2]) Новгородская четвертая лѣт. IV, 65—66.

[3]) Претензіи эти подтверждаются договорною грамотою внуковъ Кирдяпы съ Шемякою, въ Собр. Гос. Грам. и Догов. (I, л. 135—137) и въ Древнихъ Вятскихъ Актахъ (3—4).

заетъ самъ собою, коль скоро эту молитву мы отнесемъ не концу XII вѣка, а ко времени, послѣдующему за 1374 годомъ, годомъ прихода на Вятку новгородскихъ ушкуйниковъ, указаннымъ въ лѣтописяхъ.

Такимъ образомъ весь споръ между 1174 и 1374 годами, споръ о томъ, къ которому изъ этихъ годовъ слѣдуетъ отнести приходъ новгородцевъ на Вятку, вертится, собственно говоря, около славянскихъ буквъ, обозначающихъ число 600 и число 800, т. е. сводится къ тому, правильно ли въ Повѣсти въ цифрѣ 6682 обозначенной славянскими буквами, поставлена на второмъ мѣстѣ буква, обозначающая число 600, или тутъ слѣдовало написать славянскую букву, обозначающую 800. Неудивительно поэтому, что еще 16 лѣтъ тому назадъ было высказано предположеніе, что здѣсь въ Повѣсти могла быть простая *описка* (одной буквы). Такихъ описокъ, смѣшивавшихъ XII и XIV столѣтія, нами было уже указано не мало; но ихъ можно указать несравненно больше [1]. Описка могла произойти отъ многихъ случайностей: могла, напр., попасть въ руки составителя Повѣсти лѣтописная запись 1374 года правильная, но неразборчиво написанная, и онъ прочиталъ и внесъ дату въ Повѣсть неправильно; могла ему попасть въ руки та же лѣтописная запись, сдѣланная кѣмъ либо наскоро и неправильно [2], и

---

[1] К. Петровъ, изслѣдовавшій древніе письменные памятники Олонецкаго края, прямо говоритъ „о замѣчательномъ въ нихъ смѣшеніи XII вѣка съ XIV". Олонецкій Сборникъ 1886 г., вып. 2, 102—103.

[2] А какъ дѣлали записи старые люди интересовавшихъ ихъ событій, приводимъ, изъ многихъ намъ извѣстныхъ, одинъ примѣръ. Помянутый нами кафедральный протоіерей Лука Юферевъ, строитель нынѣшняго кафедральнаго собора, владѣлецъ Вятскаго Временника и Повѣсти о странѣ Вятской, какъ видно, наскоро, среди своихъ строительскихъ хлопотъ по собору, записалъ въ одной книгѣ:

„[illegible] 6945. отъ Христа 1437. поселился казанской татарской царь „Улуахметъ и владѣли татарскіе цари 133 года до взятія царя Іоанна „Васильевича въ лѣто 1553 [illegible] прежде по сей 1771 годъ [illegible] лѣтъ.

„А отъ начала строенія казали при великомъ князѣ Юрьѣ Всеволодовичѣ съ 1221 году прежде по сей 1771 годъ 550 лѣтъ.

„Влѣто 6682 отдѣлишася новгородцы на каму.

„Влѣто 6689 пріидоша новгородцы на вятку.

переписана имъ въ Повѣсти тоже неправильно; могла быть даже въ Повѣсти проставлена лѣтописная дата 1374 года, но переврана переписчикомъ, а съ этого неправильнаго списка были скопированы и другіе, дошедшіе до насъ, списки Повѣсти (надобно замѣтить—писанные малограмотными писцами и весьма неисправные). Всѣхъ такихъ случайностей невозможно и перечислить, тѣмъ болѣе, что старые люди, какъ мы уже знаемъ, не обращали особеннаго вниманія на хронологію и не выказывали вообще большой аккуратности и осторожности въ проставленіи хронологическихъ датъ.

Но, съ другой стороны, нельзя рѣшительно утверждать, что въ Повѣсти 1174 годъ, вмѣсто лѣтописнаго 1374 года, поставленъ не намѣренно. Предисловіе Повѣсти (особенно преисполненное баснями о знаменитости древнихъ славянъ и ихъ князей—въ Толстовскомъ спискѣ [1]) прямо указываетъ на желаніе ея составителя воспрославить своихъ вятскихъ праотцевъ и связать ихъ начальную исторію съ исторіей знаменитыхъ новгородскихъ древнихъ славянъ. Ученый изслѣдователь, спеціально занимавшійся исторіей русскихъ удѣльныхъ княженій, замѣчаетъ, что всѣ древніе русскіе города, сдѣлавшіеся замѣчательными въ исторіи, не обошлись безъ различныхъ сказаній и легендъ объ ихъ древности [2]; а мы знаемъ уже довольно примѣровъ того, какъ повѣствователи, особенно XVII вѣка, старались приписать нарочитую древность даже и незамѣчательнымъ роднымъ городамъ и относить основаніе послѣднихъ ко временамъ болѣе раннимъ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Кто знаетъ,—можетъ быть и нашъ составитель Повѣсти, по тѣмъ же побужденіямъ, букву лѣтописнаго извѣстія (6882—1374 г.), обозначающую 800,

„Отъ приходу новгородцевъ на вятку по сей 1771 годъ прешло 591 годъ".

Хронологія, какъ видитъ читатель, довольно сбивчивая, а годъ основанія Нижняго Новгорода показанъ годомъ основанія Казани.

[1]) Выписано изъ Хронографа 1679 года и напечатано въ Изборникѣ Анд. Попова, 442—447.

[2]) А. В. Экземплярскій: Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси, II, 270.

замѣнилъ буквой, обозначающей 600 (6682—1174 г.), и такой ничтожной повидимому „поправкой“ походъ новгородцевъ на Вятку отнесъ ко времени болѣе раннему, чѣмъ онъ былъ, ровно на двѣсти лѣтъ, да еще „пояснилъ“, что это было „во дни великаго князя Ярослава Владиміровича“... Писалъ же суздальскій ключарь Ананія Өедоровъ, даже въ 1761 году, не довольствуясь общимъ признаніемъ Суздаля весьма древнимъ городомъ, что Суздаль основанъ сыномъ Афетовымъ премудрымъ Асаномъ [1].

При сличеніи лѣтописнаго извѣстія 1374 года о приходѣ на Вятку новгородцевъ съ извѣстіемъ о томъ же Повѣсти, мы замѣчаемъ, что въ теченіе четырехъ вѣковъ устойчиво сохранилось на Вяткѣ преданіе о раздѣленіи новгородцевъ—пришельцевъ на двѣ партіи, и именно у устья или близко къ устью Камы: объ этомъ раздѣленіи на двѣ партіи говорятъ и лѣтописи подъ 1374 г., говоритъ по преданію и Повѣсть, написанная въ концѣ XVII вѣка. Но не то вышло съ рѣкой Ветлугой, по которой явились на Вяткѣ ушкуйники въ 1374 году: преданіе о приходѣ ихъ по Ветлугѣ уже совсѣмъ изгладилось изъ памяти вятчанъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, къ концу XVII вѣка,—Повѣсть и не поминаетъ Ветлуги. И это—не удивительно, потому что сообщенія вятчанъ съ Русью по Ветлугѣ были затруднительны: по ней „изгономъ“ могла безпрепятственно пробраться на Вятку столь значительная числомъ партія ушкуйниковъ, могли пробираться и суздальско-нижегородскіе князья съ своими дружинами; но съ теченіемъ времени, съ умноженіемъ по Ветлугѣ черемисскихъ поселеній, особенно въ ея низовьяхъ, путешествія по этой рѣкѣ становились не безопасными и почти совсѣмъ прекратились. А между тѣмъ во второй половинѣ XVI вѣка начались *постоянныя сообщенія* Вятки съ Пермью, заселенной русскими особенно въ Строгановскихъ владѣніяхъ, и сдѣлались весьма оживленными во второй половинѣ XVII вѣка, съ учрежденіемъ епархіи Вятской и Велико-

---

[1] Тамъ же, II, 378.—Обзоръ русской духовной литературы, Филарета Черниговскаго, 1884 г., 334.

пермской, въ составъ которой вошли Соликамскъ, Чердынь, Кунгуръ съ ихъ уѣздами, и обширныя владѣнія Строгановыхъ, заходившія дальше Чусовскихъ городковъ: въ послѣдней четверти XVII вѣка, на Хлыновскомъ архіерейскомъ дворѣ постоянно встрѣчались то монахи и духовныя лица, то и міряне, пріѣзжавшіе изъ „Пермской десятины" къ преосв. Іонѣ по дѣламъ церковнымъ, а отъ архіерейскаго дома, въ свою очередь, посылались постоянно съ разными порученіями то довѣренныя архіерейскія лица, то простые разсыльщики, пробиравшіеся „отъ церкви до церкви" до городовъ, монастырей и селеній пермскихъ самыхъ отдаленныхъ. Въ силу такой „перемѣны фронта", Чепца въ преданіи о приходѣ на Вятку первыхъ русскихъ поселенцевъ могла легко вытѣснить и замѣнить Ветлугу, почему и является въ Повѣсти, записавшей это преданіе въ XVII вѣкѣ.

Но что сталось въ Повѣсти съ ушкуйниками 1374 года? Тутъ вышло что-то болѣе чѣмъ странное. Повѣсть не только не передаетъ хотя какого нибудь преданія объ ихъ приходѣ на Вятку, хотя ихъ приходъ повидимому долженъ былъ оставить послѣ себя какіе нибудь слѣды въ преданіи, но она не знаетъ и не хочетъ знать никакихъ ушкуйниковъ на Вяткѣ, равно какъ не говоритъ ни слова о потомкахъ ушкуйниковъ въ XV вѣкѣ, которые, какъ мы знаемъ изъ посланія къ нимъ митрополита Іоны, „жили горше нечестивыхъ, чрезъ крестное цѣлованіе многожды приходили на Устюгъ, на Вологду, на Галичъ, христіанство губили убійствомъ и полономъ и грабленіемъ, церкви Божіи раззоряли, грабили вся церковная священная приходія, кузнь и книги и колоколы, съ поганствомъ съединяющесь, въ избы и хоромы насаживая мужей, старцевъ и малыхъ дѣтокъ, пожигали, инымъ очи выжигали, а иныхъ младенцовъ на коль сажали"... Правда, этихъ ушкуйническихъ потомковъ, этихъ „кроволитныхъ" вятчанъ XV вѣка въ 1489 году „вывели" съ Вятки, оставивъ въ ней болѣе „смирныхъ" и разсѣянныхъ по деревнямъ и починкамъ, и затѣмъ началось, подъ покровомъ Москвы, новое заселеніе Вятки благочестивыми устюжанами и ихъ

сосѣдями, при которыхъ оставшіеся на Вяткѣ прежніе насельники занимали уже приниженное положеніе; а потомки новыхъ поселенцевъ, конечно, болѣе всего обращали вниманіе на дѣянія и судьбу своихъ отцовъ и дѣдовъ и мало интересовались дѣяніями и судьбою насельниковъ Вятки до 1489 года — кровопитныхъ враговъ своихъ предковъ. Но всеже, казалось бы, должно было остаться на Вяткѣ хотя какое нибудь воспоминаніе объ ушкуйникахъ и ихъ потомкахъ, заявившихъ о себѣ громкими на всю Русь дѣяніями, и полное молчаніе объ нихъ Повѣсти возбуждаетъ удивленіе. Это удивленіе еще болѣе возрастаетъ, когда мы читаемъ въ Повѣсти разсказы о благочестіи вятчанъ и установленіи ими крестныхъ ходовъ. Необходимо сказать здѣсь, что составитель Повѣсти жилъ въ то время, когда преосв. Іона (1675—1700 г.) водворялъ на Вяткѣ благочестіе и старался доискаться, когда и по какому случаю были установлены существовавшіе до него крестные ходы въ Хлыновѣ: въ это именно время составлялись повѣсть о явленіи образа святителя Николая на Великой рѣкѣ (въ нѣсколькихъ редакціяхъ), сказаніе о чудотворной иконѣ Спасителя въ Спасскомъ соборѣ, отбирались показанія соборянъ, причтовъ Большаго Николаевскаго собора (о времени и обстоятельствахъ установленія крестныхъ ходовъ съ чудотворною иконою св. Николая, Спасскаго собора—объ установленіи крестнаго хода съ иконою Спасителя, и на основаніи такихъ показаній дѣлались для памяти записи объ этихъ крестныхъ ходахъ (соборныя изложенія). И составитель Повѣсти, послѣ своего повѣствованія о заселеніи Вятки новгородцами и первоначальномъ ихъ здѣсь жительствѣ, самую значительную часть своего маленькаго по объему произведенія посвятилъ объясненію обстоятельствъ установленія трехъ крестныхъ ходовъ въ г. Хлыновѣ, почему еще А. А. Спицынъ не безъ основанія замѣтилъ, что изложеніе этихъ обстоятельствъ составляетъ сущность Повѣсти [1]. Но въ Повѣсти допущены весьма важ-

---

[1]) Вятскія Губ. Вѣдомости 1885 г., № 83. Повѣсть состоитъ изъ четырехъ частей: а) предисловія, б) повѣствованія о заселеніи Вятки

ныя отступленія отъ сказаній, писанныхъ „за благословеніемъ архіерейскимъ“ (т. е. преосв. Іоны), напр. въ разсказѣ объ обстоятельствахъ перенесенія Великорѣцкаго образа въ Хлыновъ, въ обозначеніи года перенесенія, въ разсказѣ объ установленіи крестнаго хода въ Хлыновѣ въ девятую пятницу по пасхѣ. А главное—въ Повѣсти приписаны благочестивыя дѣянія, въ томъ числѣ и крестные ходы, не тѣмъ, кому ихъ повидимому слѣдовало бы приписать, не поселенцамъ на Вяткѣ дѣйствительно благочестивымъ, а тѣмъ поселенцамъ, благочестіе которыхъ, какъ видно изъ приведеннаго выше высоко-авторитетнаго о нихъ отзыва, было довольно сомнительно. И тутъ, стало быть, умѣстно то же замѣчаніе, какое сдѣлано выше относительно показаній Повѣсти о названіи вятчанъ бѣглецами и разбойниками, объ „отказныхъ“ новгородцевъ отъ вятчанъ, о пришествіи удѣльныхъ князей на Вятку, о молитвѣ новгородскихъ пришельцевъ на Вятку св. Борису и Глѣбу.

По всѣмъ высказаннымъ здѣсь замѣчаніямъ и соображеніямъ выходитъ, что Повѣсть о странѣ Вятской, служившая первоисточникомъ столькихъ писаній о начальной исторіи древне-русской Вятки,—источникъ не только неточный и сомнительный, но и прямо „спутанный“ и недостовѣрный, своею передачею разныхъ спутанныхъ и искаженныхъ временемъ преданій объ отдаленныхъ событіяхъ скорѣе затемняющій, чѣмъ разъясняющій исторію древней Вятки [1]. Неудивительно поэтому, что „всѣ знакомые съ Повѣстью и занимав-

---

новгородцами и ихъ благочестивыхъ дѣяніяхъ, в) сказанія о явленіи чудотворнаго образа Великорѣцкаго, г) краткихъ (въ нѣсколько строкъ) лѣтописныхъ 12-ти извѣстій, выписанныхъ буквально изъ Вятскаго Временника. Во второй и третьей части и излагаются обстоятельства учрежденія крестныхъ ходовъ въ Хлыновѣ. Объ этомъ подробнѣе—въ Календарѣ Вятской губ. на 1888 годъ (189—197) и въ Вятскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1888 г. (240—251).

[1]) Мы думаемъ, что и Костомаровъ, если бы отнесся къ Повѣсти не такъ довѣрчиво, а разсмотрѣлъ ее не спѣшно и критически, не сказалъ бы, что „въ русской исторіи нѣтъ ничего темнѣе судьбы Вятки“. Темнота эта идетъ главнымъ образомъ отъ даты, принятой на вѣру, 1174 года въ Повѣсти.

шіеся древней исторіей Вятки, какъ давно замѣчено [1], „болѣе или менѣе энергично выражали сомнѣніе относительно единственнаго источника этой исторіи—Повѣсти о странѣ Вятской". Принимать на вѣру показанія такого источника не можетъ серьезный и безпристрастный изслѣдователь, который выше всего ставитъ правду и точность; принимать во вниманіе показанія Повѣсти онъ можетъ только послѣ внимательнаго критическаго ихъ разбора, только тогда, когда ихъ можно подтвердить другими несомнѣнно-достовѣрными показаніями.

Такимъ образомъ, оставя показаніе Повѣсти о походѣ новгородцевъ на Вятку въ 1174 году, какъ не только неподтверждаемое, но и прямо опровергаемое другими вполнѣ достовѣрными показаніями, приходится принять показаніе лѣтописей о приходѣ на Вятку новгородцевъ въ 1374 году, дѣйствительность котораго не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній и подтверждается дальнѣйшими лѣтописными извѣстіями вполнѣ достовѣрными: съ конца XIV вѣка начинаются упоминанія о Вяткѣ въ лѣтописяхъ и актахъ, начинаетъ обнаруживаться русская жизнь на Вяткѣ.

Если новгородцы начали „жительствовать" на Вяткѣ съ 1374 года, то когда же построенъ ими Хлыновъ?

Въ концѣ XIV вѣка?

Ни въ концѣ XIV, ни въ началѣ XV вѣка въ лѣтописяхъ и актахъ все еще не встрѣчаемъ упоминанія о Хлыновѣ: извѣстій лѣтописныхъ о Вяткѣ за это время довольно, но вездѣ упоминается только Вятка—страна, даже тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать упоминанія о городѣ Хлыновѣ. О Вяткѣ—странѣ говорится въ разныхъ лѣтописяхъ подъ 1379, 1391 (два извѣстія), 1392, 1393, 1401, 1402, 1405, 1409, 1417, 1418 годами; но о какихъ либо городахъ на Вяткѣ ни слова. Въ извѣстіи о поселеніи на Вяткѣ и пятимѣсячномъ здѣсь пребываніи, а потомъ и смерти, суздальско-нижегородскаго князя Семена Димитріевича, несмотря на

[1]) А. А. Спицынымъ, въ Вятскихъ Губ. Вѣдомостяхъ 1888 года, № 87.

различные варіанты этого извѣстія, не говорится ни о какомъ вятскомъ городѣ, въ которомъ бы онъ жилъ и умеръ. Точно также въ извѣстіи о гибели на Вяткѣ устюжанъ съ Анфаломъ нѣтъ и намека на то, что они убиты подъ Хлыновомъ и Котельничемъ, гдѣ впослѣдствіи стали усердно поминать ихъ на панихидахъ благочестивые потомки.

Только уже 1428 годъ оставилъ намъ два документа непререкаемой достовѣрности, въ которыхъ говорится о поселеніяхъ на Вяткѣ: это—договорныя грамоты великаго князя Василія Васильевича и его дядей князей Андрея и Константина Димитріевичей съ дядею великаго князя и старшимъ братомъ князей Андрея и Константина Юріемъ Димитріевичемъ Галицкимъ, писанныя 11 марта указаннаго года, закрѣпленныя печатями договаривавшихся и засвидѣтельствованныя митрополитомъ Фотіемъ [1]). По одной изъ этихъ грамотъ великій князь предъ своимъ дядей Юріемъ, а князья Андрей и Константинъ предъ своимъ старшимъ братомъ, тѣмъ же Юріемъ, давали клятвенное обязательство:

„Что тя (Юрія) пожаловалъ отецъ мой князь велики „Василей Дмитриевичь Вяткою и съ слободами и со „всѣми мѣсты, и намъ (вел. князю Василію и князьямъ „Андрею и Константину) въ Вятку не въступатися, и подъ „твоими дѣтми; а тебѣ держати Вятка по отца моего гра- „мотѣ великого князя Василья Дмитриевича“.

Съ своей стороны и Юрій Димитріевичъ въ данной имъ племяннику вел. князю и младшимъ братьямъ грамотѣ того же 11 марта объявлялъ:

„Што мя пожаловалъ отецъ твой князь великии Васи- „лей Дмитриевичь Вяткою и з слободами и со всѣми „мѣсты, и вамъ (племяннику и младшимъ братьямъ Юрія) „въ Вятку не въступатися, и подъ моими дѣтми; а мнѣ дер- „жати Вятка по отца твоего грамотѣ великого князя Василья „Дмитриевича“.

---

[1]) Обѣ грамоты напечатаны въ Собраніи Гос. Грамотъ и Договоровъ (I, 86—90) и въ Древнихъ Вятскихъ Актахъ (1—2).

Приблизительно черезъ шесть лѣтъ Юрій Димитріевичъ († 1434 г.) составилъ духовную [1]) грамоту (завѣщаніе) и въ ней благословилъ своихъ дѣтей Вяткою въ такихъ выраженіяхъ:

„А се даю тремъ своимъ сыномъ, Василью (Косому), „Дмитрею (Шемякѣ), да Дмитрею меншему (Красному), „Вятку з городы и волости; а тѣмъ ся дѣти мои подѣлять „межи собе ровно“.

И наконецъ подъ 1457 годомъ упоминаются на Вяткѣ въ нѣсколькихъ лѣтописяхъ **городки** Котельничъ да Орловъ **и городъ** Хлыновъ.

Для поясненія сейчасъ указанныхъ грамотъ, необходимо здѣсь сдѣлать хотя краткія замѣчанія объ отношеніяхъ Юрія Димитріевича и его дѣтей къ Вяткѣ [2]). Юрій, второй сынъ Димитрія Донского [3]), родившійся въ 1374 году, отличился уже въ 1392—1393 г., во время борьбы своего старшаго брата великаго князя Василія съ Новгородомъ, когда онъ овладѣлъ самымъ важнымъ для новгородцевъ городомъ Торжкомъ и тѣмъ заставилъ новгородцевъ просить мира [4]). Но особенно прославился Юрій Димитріевичъ своимъ походомъ въ 1395—96 году въ землю татарскую въ предѣлахъ древней Болгаріи. Вотъ что говорятъ объ этомъ походѣ лѣтописи: „Въ лѣто 6903 (1395) осени князь Семіонъ Дмитріевичъ суздальскій пріиде ратью къ Новугороду Нижнему, а съ нимъ царевичъ Ентакъ [5]) да татаръ съ тысячю; и тако татарове

[1]) Напечатана въ тѣхъ же изданіяхъ, 105—106 и 3 стр.

[2]) Объ этихъ отношеніяхъ необходимо особое обстоятельное разслѣдованіе.

[3]) Сынъ любимый. Въ духовной грамотѣ Донского (1389 г.) сказано: „а по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего (старшаго) князя Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ“ (въ Собраніи Г. Г. и Д. I, 60); а въ Никоновской лѣтописи: „ино тому сыну моему столъ Васильевъ великое княженіе“. По этой-то грамотѣ Юрій, по смерти старшаго брата, и искалъ великаго княженія.

[4]) Полное собраніе р. лѣтописей, III, 96; IV, 100, V, 245—246; VI 123; VIII, 63—64.

[5]) Этотъ Ентакъ (Ейтякъ, Ентякъ, Ектякъ, Гентякъ—по разнымъ лѣтописямъ, а едва ли не Сентякъ—по нашей догадкѣ) былъ большой

Новгородъ Нижній взяша октября 25 и пребыша ту двѣ недѣли, дондеже услышаша, что москвичи хотятъ итти на нихъ ратью: они же убоявшеся и побѣгоша къ ордѣ, много зла сътворивше крестьяномъ. Се слышавъ князь великій Василей, посла брата своего князя Юрія Дмитреевича, а съ нимъ силу многу; они же шедше плѣниша землю татарьскую и взяша градъ Болгары, Жукотинъ, Казань и Кременчукъ (Керменчукъ), и иныхъ много градовъ, и пребыша тамо три мѣсяци воююще, и никто же не помнитъ толь далече воевала Русь татарьскую землю, и возвратишася съ многою корыстью“ [1]. Такъ какъ Юрій, преслѣдуя Ентяка и князя Семена Суздальскаго, поднимался вверхъ по Камѣ, раззоряя города—Болгары въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ, Кашанъ (Казань) въ Лаишевскомъ уѣздѣ, Жукотинъ въ Чистопольскомъ, Керменчукъ въ Мамадышскомъ [2], а затѣмъ еще иные города далѣе Керменчука, то несомнѣнно онъ ратовалъ и въ низовьяхъ р. Вятки и, если и не доходилъ до средняго теченія этой рѣки, то былъ въ сношеніяхъ съ вятчанами, которые не могли же не знать о походѣ русскихъ столь близкомъ къ ихъ поселеніямъ. Можетъ быть за этотъ-то походъ онъ и получилъ отъ брата—великаго князя Василія Вятку, съ условіемъ оберегать ее отъ суздальскихъ князей, заявлявшихъ на нее свои претензіи. Впослѣдствіи мы видимъ, что вятчане, дѣйствительно, вѣрно служатъ Юрію и его дѣтямъ. Въ 1417 году Юрій посылаетъ на Вятку своего боярина Глѣба Семеновича съ требованіемъ воевать Двинскую землю, и вятчане вторгаются туда съ своими ватаманами Жадовскимъ и Розсохинымъ, подъ предводительствомъ Юріева боярина. Во время спора Юрія

другъ Семена Суздальскаго и, судя по тому, куда преслѣдовалъ его Юрій, жилъ гдѣ-то около Керменчука, около низовьевъ р. Вятки, недалеко отъ вятчанъ, среди которыхъ укрывались во время своего скитальчества князь Семенъ и братъ его Василій Кирдяпа.

[1]) Новгородская четвертая лѣт., 102.—Софійская первая, 247—248.—Воскресенская, Никоновская, Львова подъ 1399 годомъ.

[2]) Въ указанныхъ уѣздахъ находились взятые Юріемъ города, по изслѣдованіямъ С. М. Шпилевскаго. Др. города Казанской губ., 176 185, 384, 421.—Вятскія Епарх. Вѣд. 1880 г., 62.

съ Темнымъ изъ-за великаго княженія, въ 1433 году, вятчане, съ сыновьями Юрія Косымъ и Шемякой и галичанами, бьютъ рать Темнаго при р. Куси и берутъ въ плѣнъ московскаго воеводу. Въ началѣ 1334 года сыновья Юрія (Шемяка и вѣроятно—Косой) являются на Вяткѣ, по волѣ своего отца, съ набранною здѣсь ратью идутъ къ отцу и, по соединеніи съ нимъ, одолѣваютъ рать Темнаго въ Ростовской области у Николы на горѣ, послѣ чего старикъ Юрій, незадолго до своей смерти, садится въ Москвѣ на великокняжескій столъ (во второй разъ). И по смерти Юрія, вятчане постоянно помогаютъ его старшему сыну Василію въ борьбѣ его съ двоюроднымъ братомъ Василіемъ Васильевичемъ за великокняжескій столъ [1]; а по ослѣпленіи Василія Косого сохраняютъ связи съ братомъ его Димитріемъ Шемякой, несмотря на то, что послѣдній шесть разъ въ 1434—1436 годахъ обязывался предъ великимъ княземъ „въ Вятку не вступатися“; въ 1452 году двѣнадцатилѣтній сынъ Темнаго Иванъ Васильевичъ за эти связи съ Галичемъ и Вяткой избиваетъ множество „кокшаровъ“, т. е. жителей по берегамъ Кокшенги [2].

Самое старое названіе Котельнича „Кокшаровъ“ (а не „Кокшеревъ“ какъ пишутъ иные) скорѣе всего происходитъ отъ этихъ „кокшаровъ“—переселенцевъ на Вятку съ р. Кокшенги; точно также названіе вятскаго города „Орловъ“, стоящаго на р. Вяткѣ въ 40 старыхъ 700—саженныхъ верстахъ отъ Хлынова, всего вѣроятнѣе, было получено имъ въ подражаніе и напоминаніе о древнемъ устюжскомъ городѣ Орловѣ, по книгѣ Большого Чертежа стоявшемъ на р. Югѣ въ 40 (тоже старыхъ—700 саженныхъ) верстахъ отъ Устюга. Названіе же „Хлыновъ“ едва-ли дано городу первыми его устроителями, какъ говоритъ „Повѣсть о странѣ Вятской“. Не такое уже было это лестное названіе, чтобы его избрали сами устроители: недаромъ въ концѣ XVII вѣка хлы-

[1] См. извлеченія изъ лѣтописей о Вяткѣ въ Вятскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1879 г., 581—583; 1880 г. 64, 97—100, 145—147, 232—234.

[2] Собраніе Г. Г. и Д. I. 116—130. Полное собраніе русскихъ лѣтописей IV, 147; V, 271; VI, 179—180; VIII, 125.

новцы съ составителемъ Повѣсти натуживались объяснять это названіе крикомъ пролетавшей надъ новосозидаемымъ городомъ птицы „хлы, хлы"; да не даромъ и Екатерина въ 1780 году, устраивая новую губернію, приказала главный ея городъ Хлыновъ назвать Вяткою, а губернію назвать Вятскою; втиснутымъ въ эту губернію старымъ южнымъ городамъ — Уржуму, Яранску, Малмыжу, Елабугѣ, Сарапулу едва-ли было бы пріятно, если бы они стали называться городами „Хлыновской" губерніи.

Въ договорныхъ грамотахъ 1428 года оказываются на Вяткѣ слободы, въ духовной грамотѣ Юрія 1434 года городы и волости. Предполагать какую нибудь неправильность и неточность въ этихъ выраженіяхъ, думать, напр., что Юрій не зналъ хорошо вятскихъ поселеній и для него было все равно, назвать ли эти поселенія слободами или городами, невозможно: на Вяткѣ жили его бояре; предъ однимъ изъ нихъ, упомянутымъ выше Глѣбомъ Семеновичемъ, вятчане „трижды цѣловали крестъ", по словамъ самого митрополита Іоны [1]); на Вяткѣ, по словамъ лѣтописцевъ, какъ мы уже видѣли, бывали его сыновья; стало быть Юрій, если бы и не былъ самъ на Вяткѣ, русскихъ на ней поселеній не знать не могъ. Предполагать какую бы то ни было небрежность, описку, ошибку и т. п., при составленіи указанныхъ грамотъ, также невозможно: въ этомъ легко убѣдиться при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ договорными и духовными грамотами князей того времени. При чтеніи такихъ грамотъ, напр. въ первомъ томѣ „Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ", приходится только удивляться тому, съ какою необыкновенною тщательностію, обстоятельностію и даже мелочною подробностію онѣ составлялись: въ великокняжескихъ даже грамотахъ упоминались не только принадлежащіе тому или другому князю города и значительныя поселенія, но и деревни, даже починки; въ духовной своей грамотѣ Темный, упомянувъ объ Устюгѣ, какъ своей волости, не забываетъ упомянуть и о зарѣчной при Устюгѣ слободкѣ

[1]) Древніе Вятскіе Акты, 9.

Дымковой—прототипѣ вятской зарѣчной слободы при городѣ Хлыновѣ.

Итакъ мы имѣемъ предъ собою съ одной стороны показанія Повѣсти конца XVII вѣка о древности Хлынова, съ другой стороны показанія древнихъ лѣтописей и актовъ. На которую сторону приходится стать безпристрастному изслѣдователю, предоставляемъ судить самимъ читателямъ.

Но, для аналогіи, находимъ умѣстнымъ здѣсь припомнить исторію съ исторіей города Шестакова. Много было исписано бумаги о древности этого города. Черезъ сто лѣтъ послѣ составителя Повѣсти, Вечтомовъ, принявъ во вниманіе неясныя и сбивчивыя показанія Повѣсти, изложилъ свои конъектуры объ основаніи Шестакова вслѣдъ за основаніемъ Хлынова и Котельнича, и изложилъ ихъ съ такою увѣренностью и обстоятельностію, что П. А. Словцовъ въ „Историческомъ Обозрѣніи Сибири" назвалъ Шестаковъ однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ Россіи, а Бехтеревъ и Васильевъ, слѣпо слѣдовавшіе Вечтомову, исписывали цѣлыя страницы объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ основаніе Шестакова вслѣдъ за Хлыновымъ и Котельничемъ, и съ полною увѣренностію писали о покореніи Шестакова Москвой въ 1459 году при Темномъ и въ 1489 году при его сынѣ, какъ о фактахъ несомнѣнно достовѣрныхъ. А между тѣмъ оказалась подлинная грамота Грознаго 1546 года „вятчанамъ новаго Шестаковскаго городка", изъ которой видно, что шестаковцы „поставили" свой городъ при Грозномъ... Словцову еще простительно было возвеличивать древность Шестакова по догадкѣ Вечтомова, подкупавшей своей обстоятельностію: Словцовъ еще не зналъ ничего о грамотѣ Грознаго шестаковцамъ. Но непростительно было составителямъ „Исторіи Вятскаго края" писать небылицы о Шестаковѣ XV вѣка въ 1870 году, когда оба они, служа въ Вятской публичной библіотекѣ, имѣли уже подъ руками Акты Археографической Экспедиціи, въ которыхъ была напечатана грамота Грознаго 1546 года [1].

---

[1]) Основываясь на „Исторіи Вятскаго Края", до сихъ поръ многіе компиляторы называютъ Шестаковъ однимъ изъ „древнѣйшихъ посе-

Наконецъ остается намъ сказать и о древности Хлынова московскаго. Сохранилась вкладная грамота отъ 1410 г. вдовы двоюроднаго брата Димитрія Донскаго — Владиміра Андреевича Храбраго, владѣвшаго третью Москвы, такого рода:

„Княгиня Елена Волгирдовна дала село Кудрино со всѣ„ми деревнями и съ селищи по рѣку по Ходыню да по Бе„сѣды да по Тверскую дорогу да по Липы да по Сущовскую „межю да по Хлынова да по Можайскую дорогу... по сво„емъ князѣ (умершемъ въ 1410 году Владимірѣ Андреевичѣ) „Фотѣю митрополиту всея Руси".

Вкладная подтверждается древнею записью въ документахъ бывшаго въ Москвѣ Новинскаго монастыря, основаннаго митрополитомъ Фотіемъ. Вотъ эта запись: „А се ободъ (границы) земли церковной пресвятѣй Богородицы Новинскаго монастыря, а пошло ото князя Володимера Андреевича и отъ его княгини Олены Волгирдовны, и первое болшій дворъ былъ князя Володимера Андреевича на трехъ горахъ съ церковью, а село его было болшее Кудрино. И послѣ живота князя Володимера Андреевича княгиня его Олена Волгирдовна дала то село Кудрино и со всѣми деревнями и селищи по рѣку по Ходыню да по Бесѣды да по Тверскую дорогу да по Липы да по Сущовскую межю да по Хлынова да по городское поле да по Можайскую дорогу да по перевозъ [1]).

леній новгородцевъ" (См. Географическо-Статистическій словарь Семенова, V, 798).

[1]) Дано было митр. Фотію 14 деревень: 3 на р. Москвѣ около Прѣсненскихъ прудовъ, 3 на р. Ходынкѣ, остальныя на суходолѣ. Изъ этихъ деревень, по Писцовой книгѣ 1623—24 года (№ 9506 Архива Мин. Юстиціи), черезъ 200 лѣтъ, осталась только одна деревня, а на мѣстѣ остальныхъ оказались пустоши. Граница земли, принадлежавшей Новинскому Введенскому монастырю въ 1623 г., слѣд. и данной Фотію Еленой Олгердовной, въ Писцовой книгѣ показана такъ далеко отъ нынѣшняго Хлыновскаго переулка у Б. Никитской улицы, что на границѣ этой нельзя предполагать слободы Хлынова, а подъ Хлыновомъ въ монастырской вкладной 1410 г. надо разумѣть обширную мѣстность отъ нынѣшняго Хлыновскаго переулка у Б. Никитской до бывшаго Новинскаго монастыря.

А дала по своемъ князѣ Фотѣю митрополиту всея Руси, и Фотѣй митрополитъ тую землю далъ въ новый свой монастырь Введенью святѣй Богородицы на Присну, а тою церковною землею володѣли игумены" далѣе перечисляются 15 игуменовъ до **послѣдняго Іова въ 1453 году).**

Елена Олгердовна была не первою дочерью Олгерда, вышедшею за-мужъ за русскаго князя. Далеко старшая ея сестра (Марія—Агриппина по разнымъ лѣтописямъ) была княгиней Городецкою: еще въ 1354 году она вышла за Бориса Константиновича [1], которому принадлежалъ Городецъ Волжскій (нынѣ село), стоявшій на лѣвомъ берегу Волги и служившій долго, до основанія Нижняго въ 1221 году, передовымъ укрѣпленіемъ русскимъ и оплотомъ противъ инородцевъ, особенно лѣваго берега Волги. Судьба этой первой Ольгердовны была, подъ конецъ жизни, очень несчастна: Борисъ Константиновичъ, трижды садившійся на великокняжескій нижегородскій престолъ, въ 1392 г. былъ „пойманъ" великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, „связанъ веригами желѣзными" и умеръ въ заточеніи; въ заточеніи въ 1393 году умерла и его жена. Елена Олгердовна вышла за Владимира Андреевича гораздо позже своей сестры—въ 1371 году, прожила съ нимъ 40 лѣтъ и, лишившись мужа въ 1410 году, прожила послѣ его смерти еще 27 лѣтъ [2]). Въ началѣ XV вѣка и она, оставаясь княгиней Серпуховской, сдѣлалась княгиней Городецкой, какъ и ея старшая сестра, такъ какъ Владиміръ Андреевичъ получилъ тогда отъ великаго князя, вмѣсто Волока и Ржевы, Угличъ и Волжскій Городецъ съ волостями—Бѣлогородьемъ, Юрьевцомъ (Новольскимъ), слободами Борисковой и Черняковой и съ Унженской (по р. Унжѣ) тамгой. Но кромѣ того Владиміръ Андреевичъ владѣлъ еще „третью" въ Москвѣ [3]), и вотъ изъ этой-то трети Елена Олгердовна выдѣлила очень большое количество земли съ 14 деревнями, находившейся за окраинами

---

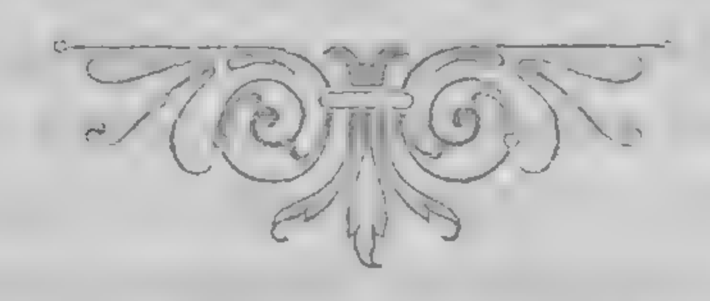
[1]) Полное Собр. русск. лѣтописей, IV, 62; V, 228; VIII, 9.
[2]) Тамъ же, I, 232; IV, 67; VIII, 19.
[3]) Собр. Гос. Гр. и Д., I, 69—70.

Москвы, и отдала эту землю митрополиту Фотію въ 1410 г. „на поминъ души по своемъ князѣ“ [1].

Для насъ вкладная Елены Ольгердовны и монастырская запись о вкладчой землѣ и ея границахъ имѣютъ то значеніе, что, устраняя всякое сомнѣніе, констатируютъ существованіе въ 1410 году на границахъ вкладной земли, между Сущевской межой и городскимъ московскимъ полемъ, мѣстности, носившей названіе Хлыново. Конечно, такое названіе мѣстности, какъ и другія названія — Ходынь, Бесѣды, Липы, явились, какъ говорится, „не со вчерашняго дня“, а существовали и пораньше 1410 года, еще и въ XIV вѣкѣ.

Сопоставляемъ теперь, съ одной стороны, самыя первыя показанія лѣтописей о вятскомъ городѣ Хлыновѣ, показанія договорныхъ грамотъ 1428 года о слободахъ на Вяткѣ и духовной грамоты Юрія Димитріевича 1434 года о городахъ на Вяткѣ, безъ названія ихъ, а съ другой стороны — показаніе вкладной Елены Ольгердовны 1410 года о московскомъ Хлыновѣ, и предлагаемъ читателямъ, на безпристрастное рѣшеніе, вопросъ: „Хлыновъ старше или Хлыново“?

А. В-нъ.



[1] Списки іерарховъ и настоятелей монастырей. П. М. Строева: Новинскій монастырь, 241.

Одинъ ли былъ городъ Хлыновъ?

Карамзинъ въ одномъ изъ примѣчаній (327) къ IV тому своей Исторіи упоминаетъ о „баснословномъ“ Ветлужскомъ или Хлыновскомъ князѣ Никитѣ Ивановичѣ Байбородѣ, раззорившемъ въ 1375 году Солигаличскій Воскресенскій монастырь. Это извѣстіе о Байбородѣ Карамзинъ нашелъ въ рукописномъ „Лѣтописцѣ Воскресенскаго монастыря что у Соли“. Такъ какъ въ лѣтописяхъ имѣлось прямое указаніе о приходѣ новгородскихъ ушкуйниковъ по р. Ветлугѣ на Вятку въ 1374 году и при этомъ въ первый разъ упоминалась Вятка въ лѣтописяхъ, то понятно наше желаніе добыть лѣтопись Солигаличскаго Воскресенскаго монастыря. Назадъ тому лѣтъ десять, по нашей просьбѣ, бывшій преподаватель женской гимназіи Н. А. Скворцовъ доставилъ намъ копію съ этого лѣтописца; но такъ какъ въ ней мы нашли разность, хотя и небольшую, съ извѣстіемъ Карамзина, и притомъ въ копіи мы нашли вмѣстѣ съ славянскими извѣстіями извѣстія въ передѣлкѣ на современный русскій языкъ и эти извѣстія были доведены даже до 1808 года, то мы поостереглись „до—поры до времени“ передавать эти извѣстія вятскимъ читателямъ. Въ 1900 году намъ удалось наконецъ прочитать въ рукописномъ отдѣленіи С.-Петербургской Публичной библіотеки подлинный рукописный, конца XVII или начала XVIII вѣка (О., IV, № 1), „Воскресенскаго монастыря что у Соли Галицкой лѣтописецъ“, а также и списокъ съ этого лѣтописца XIX вѣка (Q. IV, № 218), которымъ пользовался Карамзинъ.

Оказалось, что между извѣстіемъ о Байбородѣ Воскресенскаго лѣтописца и извѣстіемъ о немъ въ примѣчаніи Карамзина есть дѣйствительно разность, или, лучше сказать, извѣстіе у Карамзина не полно и не передаетъ всей басни о князѣ Никитѣ Ивановичѣ Байбородѣ Воскресенскаго лѣтописца. Карамзинъ говоритъ о князѣ Никитѣ Ветлужскомъ

или Хлыновском такъ, какъ будто этотъ Никита, по Воскресенскому лѣтописцу, былъ княземъ Ветлуги и вмѣстѣ нашего вятскаго Хлынова. Между тѣмъ вотъ что мы читаемъ въ Воскресенскомъ лѣтописцѣ:

„Въ лѣто 6840 (1332) года пріѣхали изъ Орды вси князи рустіи и досталось въ удѣлъ князю Семену Ивановичу Кострома да Галичь. И князь Семенъ Ивановичъ жилъ годъ и преставися. И осталось у него князя два сына Өедоръ да Андрей Семеновичи. И князю Өедору Семеновичу досталось Галичь, а князю Андрею Кострома.

И князь Андрей женился у Ветлужскаго изъ Хлынова города [1]) у князя Никиты Ивановича Байбороды. И межъ собою братія враждовали, и х кіевскому и московскому ѣздили миритись. И московской велми жаловалъ Өедора Семеновича... (Далѣе идетъ разсказъ объ основаніи Воскресенскаго монастыря, который мы оставляемъ).

Князь Өедоръ Семеновичъ разболѣся и преставися. И остася у него сынъ имянемъ Андрей. И повезоша князя Өедора Семеновича въ Володимеръ и положиша его у пресвятыя Богородицы.

Въ лѣто 6848 (1340) году пришелъ князь Никита Ивановичъ безвѣстно на Галицкаго князя Андрея, и Богъ пособилъ князю Андрею князя Никиту прогонити на дикія лѣса за рѣку за Унжу.

Въ лѣто 6855 (1347) году посла князь Андрей послы на Ветлугу х князю Никите Ивановичу да х Костромѣ къ дядѣ своему Андрею Семеновичу, чтобъ его вотчины отдали. И князь Никита Ивановичъ да князь Андрей посла его пограбили, а ему приказали: не вѣдати тебѣ вотчины до вѣки. И князь Андрей Өедоровичъ ходилъ съ великою силою на тѣ вотчины, выжгли промежъ ими.

Въ лѣто 6862 (1354) году приходилъ князь Никита Ивановичъ съ луговою черемисою на Галицкаго князя Андрея Өедоровича. И князь Андрей князя Никиту прогонилъ, а черемискихъ людей всѣхъ побилъ на голову.

[1]) Въ копіи Смирнова: „у Ветлужскаго и Хлыновскаго".

Въ лѣто 6866 (1358) приходилъ князь Андрей Семеновичъ на Галицкаго князя Андрея Өедоровича на своего племянника войною, а князь Никита Ивановичъ на Воскресенскую обитель, и Богъ пособилъ князя Никиту побити, а князя Андрея Костромского прогнати, а людей у нихъ побили до 3000.

Въ лѣто 6868 (1360) году князь великой Галицкой Андрей Өедоровичъ, собравъ многую рать, ходилъ войной на Костромского и на Костромѣ грады пожегъ, а людей побилъ. И шедь на пособь князь Никита Ивановичъ, и съѣхались на Судиславлѣ, и бысть имъ бой великъ, пособилъ Богъ князю Андрею, князя Никиту побили.

Въ лѣто 6870 (1362) году приходилъ войною князь Никита да князь Андрей на Галичъ, воевали 3 недѣли, у князя Никиты сына убили, именемъ Гаврила, а другого полонили князя Юрья, а у Костромского князя Андрея сына жъ князя Дмитрія, а побили у нихъ и полонили 400 человѣкъ.

Въ лѣто 6874 (1366) году приходили Суздальскіе воеводы князь Данило Борисовичъ да князь Юрей Васильевичъ да князь Михайло Дмитріевичъ, племянники князя Никиты Хлыновскаго, и бились со княземъ Андреемъ Галицкимъ на рѣкѣ на Вексицѣ на устье святого Николы на староборномъ; на томъ бою князя Данилу убили, князя Михайла ранили, а полонили и убили у нихъ 1300 человѣкъ.

Въ лѣто 6883 (1375) году пришли на Галицкаго князя Андрея Өедоровича многіе удѣлы, князь Никита съ Ветлуги да князь Андрей съ двѣма сыны да Суздалской князь Юрей Васильевичъ съ великою силою, да казанскіе воеводы Анбердѣй Зерможеевичь до Елдигей да Каякъ Азеревичъ да луговая черемиса, а пришли на двое: князь Андрей Семеновичъ да князь Юрей да казанской Анберда пришли подъ Галичъ подъ городъ со многими людми, а князь Никита съ ногайскими людми и воеводы съ луговою пошли на рубежь да попедь Унжею вверхъ подъ Воскресенской монастырь... и августа въ 18 день запалища обитель и братію изсекоша, всѣхъ людей отъ мала и до велика. И въ то время князь

Андрей подъ Галичемъ князя Андрея Семеновича да князей Юрье Андреевичемъ (а ?) гналися на Ветлугу подъ Хлыновъ... И оттого времени запустѣ монастырь Воскресенской. И попусти Богъ князю Никитѣ: пріиде на него землю болѣзнь корковьная и изомроша вси поганые и градъ Хлыновъ" [1])... . . . .

Итакъ въ лѣтописи Воскресенскаго (Солигаличскаго монастыря рѣшительно говорится о городѣ Хлыновѣ на рѣкѣ Ветлугѣ, а не о вятскомъ городѣ Хлыновѣ, а княземъ Хлынова на Ветлугѣ оказывается въ 1332—1375 годахъ Никита Ивановичъ Байборода. Борьба съ этимъ княземъ Никитой и его зятемъ Андреемъ Семеновичемъ Костромскимъ Галичскаго князя Андрея Ѳедоровича въ XIV вѣкѣ изображается книжникомъ Воскресенскаго монастыря, писавшимъ въ концѣ XVII вѣка, съ такою подкупающею подробностію и съ такою опредѣленностію въ хронологическихъ датахъ, что поневолѣ припоминается замѣтка Шлецера о такихъ „выдумкахъ" и приходитъ въ голову мысль: „да нѣтъ ли тутъ въ самомъ дѣлѣ какой нибудь и правды". Но еще Карамзинъ указалъ, что, не говоря уже о знаменитомъ Никитѣ Байбородѣ, князья Галичскій Андрей Ѳедоровичъ и Костромской Андрей Семеновичъ—князья „небывалые", что въ XIII—XIV вѣкахъ, по лѣтописямъ и родословнымъ книгамъ, въ Галичѣ были совсѣмъ другіе князья [2]). Къ этому слѣдуетъ добавить еще, что въ завѣщаніи Димитрія Донскаго Галичъ называется „куплею дѣда его" Калиты († 1341 г.), а въ 1362 году.

---

[1]) Затѣмъ слѣдуютъ краткія выписки изъ какой-то лѣтописи касающіяся Галича, за время борьбы Темнаго съ дядею Юріемъ Димитріевичемъ Галицкимъ и его сыновьями (6937—6961); причемъ событія 6942 года (второе великокняженіе и смерть Юрія) записаны подъ 6945 годомъ, а событія 6944 года (ослѣпленіе Косаго) записаны подъ 6946 годомъ.

[2]) По обстоятельному обслѣдованію А. В. Экземплярскаго (II, 207-219), князьями Галича Мерскаго были: Константинъ Ярославичъ (1235-1255 г.), Давидъ Константиновичъ (1255-1280), Василій Константиновичъ (до 1310 г.), Иванъ Давидовичъ (около половины XIII вѣка), Борисъ Давидовичъ (до 1334 г.), Ѳедоръ Давидовичъ (до 1335 г.), Иванъ Ѳедоровичъ, Димитрій Ивановичъ (1354-1362 г.).

по согласному показанію лѣтописей, тотъ же Донской „согналъ съ Галича“ послѣдняго князя Димитрія (а не Андрея); стало быть въ этомъ году князю Никитѣ приходилось „приходить съ луговою черемисою въ Галичъ“ уже на самого великаго князя Димитрія, а не на извѣстнаго только Воскресенскому лѣтописцу какою-то Андрея Ѳедоровича. Точно также приходившіе будто-бы на Андрея Ѳедоровича и бившіеся съ нимъ на Вексицѣ суздальскіе князья Данило Борисовичъ, сынъ умершаго въ 1394 году Бориса Константиновича, и Юрій Васильевичъ, сынъ Василія Димитріевича Кирдяпы, умершаго въ 1403 году, по дѣятельности своей принадлежатъ уже XV вѣку, и никакъ не могли въ 6874 (1366) году нападать на Галичъ и быть племянниками Никиты Хлыновскаго, а убитый Воскресенскимъ лѣтописцемъ въ этомъ (1366) году Данилъ Борисовичъ, какъ извѣстно, одержалъ „знатную“ побѣду при Лысковѣ въ 1411 году.

И тѣмъ не менѣе въ Памятной Книжкѣ Костромской губ. на 1862 годъ (335—336 с.) мы находимъ извлеченныя изъ Солигаличской Воскресенской лѣтописи, съ полнымъ довѣріемъ къ ней, извѣстія „о счастливомъ исходѣ въ 1354 г. трехлѣтнихъ битвъ (?) Галицкаго князя Андрея Ѳедоровича съ Ветлужскимъ княземъ города Хлынова Никитой, по прозванію Байборода“, затѣмъ „о безуспѣшномъ нападеніи на Воскресенскій монастырь Костромскаго князя Андрея Семеновича въ 1358 году съ Хлыновскимъ княземъ Никитою“, и наконецъ „о раззореніи и сожженіи Воскресенскаго монастыря тѣмъ же княземъ Никитою съ ногайцами и луговою черемисою“... Та же Памятная Книжка на 1862 годъ сообщила о „древней Галичской рукописи“ Тычинкина, который, какъ видно изъ письма протоіерея Ціева въ Москву къ И. М. Снегиреву (отъ 1 февраля 1832 г.), составилъ сокращеніе лѣтописца, извѣстнаго подъ именемъ Галичскаго и Березниковскаго [1]), и тутъ описывалъ „междоусобную борьбу между

[1]) Этотъ И. И. Тычинкинъ, по слухамъ, предъ смертью купилъ за 50 рублей сундукъ рукописей какого-то монастыря, а умеръ въ декабрѣ 1837 года. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Росс. 1887 г., I, 35.

(небывалыми) Галичскими князьями, съ участіемъ въ ней луговой черемисы, еще въ 1170 году". Наконецъ въ сборникѣ Костромской Архивной комиссіи „Костромская Старина" (вып. 1—3) членъ комиссіи Д. П. Дементьевъ указалъ еще на извѣстные ему: рукописный „Ковчегъ Ветлужской старины" у проживающаго при поч. Зотовѣ Тоншаевской волости (Ветлужскаго уѣзда, близъ границы съ Вятской губерніей) „извѣстнаго келейника, пустынника, писца Захара Степ. Солоницына", на „Ветлужскій лѣтописецъ"—рукопись того же Солоницына [1], на „Лѣтописецъ Кажировскій" или Кажеровскій—бывшаго монастыря на Кажеровѣ (нынѣ село) въ сѣверо-восточной сторонѣ Ветлужскаго уѣзда (близъ границъ съ Вологодской и Вятской губерніями). Во всѣхъ перечисленныхъ лѣтописцахъ, бывшихъ въ рукахъ у г. Дементьева, говорится о Ветлужскомъ городѣ Хлыновѣ еще съ большею подробностію, чѣмъ въ лѣтописи Воскресенскаго монастыря у Соли-Галицкой. Такъ по „Ветлужскому лѣтописцу" Солоницына, „ветлужскіе черемисы, имѣвшіе своихъ „кугузей"—князей, въ послѣдней четверти XII вѣка жили больше на Якшанѣ и Шангѣ, и когда князь Галичскій Өедоръ Ростиславичъ въ 1185 г. хотѣлъ было отнять у нихъ Шангу, то это ему не удалось, равно какъ и Всеволоду Юрьевичу Суздальскому и вмѣстѣ третьему Галичскому князю не удалось въ 1186 г. заставить ихъ платить ему дань". Въ 1190 г. черемисы, по тому же „Ветлужскому лѣтописцу", „ставятъ на берегахъ Ветлуги второй городъ Хлыновъ", и тутъ же избираютъ перваго Ветлужскаго князя Кая. На этого Кая въ 1220 году нападалъ Василько Константиновичъ, только безуспѣшно, но въ 1229 году заставилъ Кая платить дань, которую однако пересталъ послѣдній платить уже въ 1230 г. Въ 1240 г., по Ветлужскому и Кажировскому лѣтописцамъ, „поселился на Якшанѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Кажирова [2],

[1]) Не знаемъ только, не одна ли и та же рукопись называется у Дементьева и „Ветлужскимъ лѣтописцемъ" и „Ковчегомъ Ветлужской старины".

[2]) На Кажеровѣ, какъ писалось въ приходныхъ книгахъ патріаршаго приказа XVII в., была до 1764 года Николаевская пустынь. „Ко-

Юнскій черемисскій князь Коджа Ералтемъ, былъ обращенъ въ христіанство новгородскимъ пустынникомъ Кіемъ и устраивалъ по берегамъ Ветлуги новыя поселенія — Шангу, Булаксы и другія, разоренныя татарами въ 1246 году". Рѣка Ветлуга называлась Энеръ, а когда Луга, жена Коджи, утонула въ ней, названа Ветлугою (вет — женщина и Луга). Князья черемисскіе Коджа и Кай нѣкоторое время жили въ дружбѣ съ русскими и татарами. Съ 1280 года сталъ управлять Галичемъ и Ветлугой князь Василій Константиновичъ, при которомъ были битвы съ черемисами. Въ одной изъ этихъ битвъ былъ убитъ князь Кай (по Кажировскому, Кій по Ветлужскому лѣтописцу Солоницына), а „князь Коджа Ералтемъ, въ православіи Елеазаръ, скончался мирно". На мѣсто убитаго Кая (или Кія) былъ избранъ княземъ Бай (по Ветлужскому, Бай - Байбородъ и Никита по Кажировскому лѣтописцу). Этотъ Бай „возобновилъ города Шанга и Якшанъ бывшій, по замѣчанію г. Дементьева, вѣроятно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь село Кажирово на р. Якшангѣ) и вновь построилъ укрѣпленія Булаксъ и Юръ". По „Ковчегу Ветлужской старины" Солоницына и еще по одной рукописи въ деревнѣ Ерыкалихѣ Пыщугской волости (въ сѣверной сторонѣ Ветлужскаго уѣзда) у писца Сибирякова, Галицкимъ княземъ съ 1332 года былъ сынъ Калиты Семенъ Ивановичъ Гордый, съ 1340 года сынъ Симеона Гордаго Ѳедоръ Семеновичъ, съ 1341 года Андрей Семеновичъ, тоже сынъ Гордаго, съ 1346 г. Андрей Ѳедоровичъ, сынъ Ѳедора Ивановича (?), внукъ Калиты. По „Ветлужскому лѣтописцу", Галицкій князь Ѳедоръ Семеновичъ (съ 1340 г.) уже умеръ въ 1341 году въ Воскресенскомъ монастырѣ, передавъ Галичъ 12-лѣтнему брату Андрею Семеновичу, который „въ 1345 году женился на дочери Ветлужскаго и Хлыновскаго черемисскаго князя, принявшаго православіе, Никиты Ивановича Байбороды". Невѣста названа была Маріей, и „на свадьбѣ была вторая же-

---

жерово" извѣстный знатокъ черемисскаго языка Т. Семеновъ производитъ отъ слова „кожеръ" — ельникъ; а г. Дементьевъ село Кажирово отъ русскихъ словъ „кажи ровъ"...

на Симеона Гордаго Евпраксія, которую по зависти испортилъ черемисскій жрецъ изъ Шанги".

По тому же „Ветлужскому лѣтописцу" Солоницына, „въ 1346 году былъ признанъ въ Галичѣ княземъ Андрей Ѳедоровичъ, сынъ Ѳедора Ивановича Смоленскаго [1]), внукъ (?) Калиты". Въ 1350 году „у князя Андрея родился сынъ Василій, и на радости имъ посланы были дары въ Никольскую церковь на Якшанѣ и Богородицкую близъ Шанги, находившіяся во владѣніи Хлыновскаго князя на Ветлугѣ Н. Н. Байбороды, данника Галицкаго князя". Съ 1351 года по 1372 годъ у Андрея Ѳедоровича, по тому же лѣтописцу, „происходятъ битвы подъ Галичемъ съ Байбородою, въ которыхъ участвовали всѣ черемисы по р. Ветлугѣ съ нанятыми татарами"; а по „Кажировскому лѣтописцу" эти битвы съ Галицкими князьями, а не однимъ Андреемъ Ѳедоровичемъ, происходили въ 1351, 1352, 1354, 1358, 1360, 1362, 1366, 1372 годахъ, что нѣсколько несогласно съ показаніями Солигаличскаго Воскресенскаго лѣтописца. Въ 1385 году Шангу, Хлыновъ и всѣ ветлужскіе города и селенія, по Ветлужскому лѣтописцу, постигли голодъ и моръ. Отъ заразы умеръ и князь Хлыновскій Никита Байборода [2]): „Богъ наказалъ его за опустошеніе и раззореніе Воскресенскаго монастыря и галичскихъ церквей въ 1372 году, пришла на его землю болѣзнь корчевная кереметломъ, и уничтожися градъ Хлыновъ, бывшій на брезѣ Ветлузи, что вдревле черемиса звали Энеръ, и нечистый градъ Хлыновъ смыло рѣкою".

Въ 1396 году избранъ черемисами князь Кельдибекъ, котораго Юрій Димитріевичъ Галицкій заставилъ платить

---

[1]) Совершенно неизвѣстнаго по лѣтописямъ и родословнымъ. Какъ сынъ его Андрей вышелъ внукомъ Калиты, извѣстно только „Ветлужскому лѣтописцу".

[2]) Байборода избранъ въ князья, по „Кажировскому лѣтописцу" послѣ смерти Кая, убитаго при князѣ Галицкомъ Василѣ Константиновичѣ, умершемъ въ 1312 году: слѣд. Байборода былъ черемисскимъ княземъ не менѣе 73 лѣтъ...

себѣ дань. Въ 1415 году этотъ Кельдибекъ „заключилъ союзъ съ вятчанами въ Хлыновѣ, а въ 1417 году ходилъ съ ними воевать Устюгъ [1]; въ 1434 году онъ убитъ Василіемъ Юрьевичемъ Косымъ"... Въ 1462 году „Перхуниковъ, хлыновскій и ветлужскій бояринъ, предъявилъ отъ хана ярлыкъ на владѣніе Ветлужскою волостію и Хлыновымъ на Вяткѣ [2]), но тѣ и другіе не пожелали ему повиноваться"...

Не продолжаемъ далѣе выписокъ изъ этой странной и удивительной смѣси былей и небылицъ, въ полной увѣренности, что изъ приведенныхъ уже выписокъ выясняется достаточно настоящая цѣнность указанныхъ выше лѣтописей. Основой для лѣтописцевъ, вынесенныхъ г. Дементьевымъ изъ глухихъ поселеній ветлужскихъ на свѣтъ Божій, очевидно, служилъ лѣтописецъ Солигаличскаго Воскресенскаго монастыря; но между этимъ лѣтописцемъ, съ одной стороны, и лѣтописцами г. Дементьева — Ковчегомъ Ветлужской старины, Ветлужскимъ и Кажировскимъ, съ другой, есть и разница. Салигаличскій книжникъ, писавшій въ концѣ XVII, а скорѣе даже въ XVIII вѣкѣ, по темнымъ и смутнымъ преданіямъ, о событіи XIV вѣка—основаніи Воскресенскаго монастыря, желалъ изобразить величіе и славу этого монастыря до его раззоренія черемисами въ 1372 году, а также описать въ свѣтлыхъ чертахъ основателя и великаго благодѣтеля монастыря, котораго преданіе называло княземъ Андреемъ Ѳедоровичемъ и которому то же преданіе приписывало долголѣтнюю борьбу съ какимъ—то Никитой. Книжникъ, поэтому, съ восхищеніемъ говоритъ о великолѣпномъ устроеніи новаго монастыря, о „совершеніи княземъ вельми чудной церкви, высотою въ 35 саженъ,

---

[1]) По всѣмъ настоящимъ лѣтописямъ „новгородскіе бѣглецы съ устюжаны и съ вятчаны изъѣхаша въ насадехъ безъ вѣсти въ Заволоцкую землю".

[2]) Гр. Перхуниковъ былъ съ кн. Ряполовскимъ въ 1458 г. въ Московской рати на Вяткѣ и „посулы ималъ" отъ вятчанъ; но онъ не былъ бояриномъ даже въ 1474 г., а былъ только ловчимъ великаго князя. Карамзина VI, прим. 629.

яко отвсюду бяше видѣти ея“; а затѣмъ онъ описываетъ и побѣды благодѣтеля—князя, проставляя при этомъ и хронологическія даты побѣдъ „по обычаю книжниковъ“; противника же князю—благодѣтелю Никиту, по темному же преданію, поселяетъ на ближайшей къ монастырю большой рѣкѣ Ветлугѣ, заселенной черемисами, въ городѣ Хлыновѣ, о которомъ можетъ быть книжнику и не было извѣстно навѣрное, стоялъ ли онъ на отдаленной Вяткѣ или ближайшей къ монастырю Ветлугѣ; но книжникъ нигдѣ не называетъ Никиту, произведеннаго въ князья искаженнымъ преданіемъ, черемисиномъ, а придаетъ ему чисто—русское прозвище Байборода. Лѣтописцы же Кажирова и Ветлуги, въ древности населенныхъ черемисами, тоже желая сказать что-нибудь доброе „о древности“ своихъ родныхъ мѣстностей, уже не могутъ говорить объ этой древности иначе, какъ о черемисской, и потому измышляютъ черемисскихъ кугузей Каевъ, Коджей, Эралтемовъ, и обращаютъ ихъ въ христіанскую вѣру, признаютъ за черемисина и Бай-бороду Воскресенскаго лѣтописца, тоже крестятъ и его съ семьей и роднятъ съ сыномъ великаго князя Симеона Гордаго.

Общее же у Солигаличскаго Воскресенскаго лѣтописца съ Дементьевскими—то, что они берутъ нерѣдко извѣстія изъ настоящихъ лѣтописей, но часто искажаютъ ихъ (какъ видно уже изъ нашихъ выписокъ, перевирая хронологическія даты, прибавляя къ достовѣрнымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ свои измышленія и басни и выдавая ихъ за дѣйствительные факты и событія.

Нельзя здѣсь не обратить особеннаго вниманія на то, что Дементьевскія лѣтописи обрѣтаются у „писцовъ“ (волостныхъ писарей что-ли?) въ самыхъ глухихъ пунктахъ глухого Ветлужскаго уѣзда, въ какой-то деревнѣ Ерыкаликѣ Пыщугской волости, да въ починкѣ Зотовѣ Тоншаевской (черемисской) волости, и доселѣ не попадали на глаза ученаго-спеціалиста. Притомъ г. Дементьевъ дѣлаетъ только выдержки, и то „своими словами“, изъ оповѣщаемыхъ имъ

лѣтописцевъ; а нужно полное и аккуратное ихъ изданіе, что бы можно было произнести о нихъ рѣшительное сужденіе. Весьма основателенъ и справедливъ упрекъ, сдѣланный г. Дементьеву въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1892 г., IV, 443) за то, что онъ не только не провѣрилъ критически своего основного источника (лѣтописи), но даже не опредѣлилъ, къ какому времени онъ относится.

Самъ г. Дементьевъ признаетъ оповѣщаемыя имъ лѣтописи „древними"; одну изъ нихъ, извѣстную ему въ копіи 1880 года, онъ относитъ даже ко времени какого-то Орханина, приблизительно къ 1615—1618 годамъ. Но такое утвержденіе г. Дементьева произвольно. Уже одно наименованіе р. Ветлуги по имени жены черемисскаго князя относитъ насъ къ далеко позднѣйшему времени, когда стали у насъ рѣки Волховъ, Волховецъ, Жилотугъ и др. признавать названными отъ именъ живыхъ людей. Затѣмъ у составителей ветлужскихъ лѣтописей видно знакомство съ „Повѣстью о странѣ Вятской", такъ какъ хронологическія даты о ветлужскомъ Хлыновѣ они проставляютъ примѣнительно къ датамъ „Повѣсти" о вятскомъ Хлыновѣ; а „Повѣсть" эта едва ли могла быть извѣстна на Ветлугѣ раньше, чѣмъ была воспроизведена въ словарѣ Щекатова. Наконецъ,—и это самое сильное опроверженіе г. Дементьеву,—рукопись Солоницына, по словамъ самого Дементьева, относитъ къ ветлужскимъ погостамъ и селеніямъ (а не къ вятчанамъ) столь извѣстное теперь посланіе митрополита Іоны 1452 года къ вятчанамъ; а это посланіе стало извѣстно только съ 1841 года, когда оно было извлечено изъ единственнаго „Сборника грамотъ митрополитовъ" и напечатано въ „Актахъ Историческихъ" (т. 1).

Заслуживаютъ ли довѣрія показанія Солигаличскаго и Ветлужскихъ лѣтописцевъ о второмъ Хлыновѣ на Ветлугѣ?

Конечно, на Ветлугѣ могли быть городки, т. е. небольшія укрѣпленія, и у черемисъ, и такія укрѣпленія, какъ указываютъ и эти лѣтописцы, носили черемисскія названія—Шанга, Якшанъ, Булаксы, Юрь; но чтобы черемисское

укрѣпленіе носило русское названіе Хлынова, представляется болѣе чѣмъ сомнительнымъ.

Но самые лѣтописцы — Солигаличскій и Ветлужскіе — представляютъ недурную иллюстрацію къ тому, что сказано въ предыдущей статьѣ о преданіяхъ и „писаніяхъ по преданію".

А. В-нъ.